

НАЦИОНАЛЬНАЯ
ЛИТЕРАТУРНАЯ
ПРЕМИЯ
«ЗОЛОТОЕ
ПЕРО
РУСИ»

МАГАДАН

Интеллигент

№ 7 2018г.

Уважаемые читатели !!!

Вроде бы совсем недавно вышел в свет первый номер нашей газеты. Но время быстротечно, и вот уже со страниц седьмого номера к вам в гости придут новые авторы. Казалось недавно я предложил Сергею Пашкову попытаться сделать газету в структуре медиагруппы “Интеллигент”. Он дал отмашку на эксперимент, я, в свою очередь, понимал всю меру ответственности за это шаг. Уровень изданий медиагруппы был высок и мне ничего не оставалось, как соответствовать ему.

Время показало, что Сергей

не ошибся, давая отмашку на главных достижений.

рождение нового издания - газеты “Интеллигент - Магадан”. Лишнее подтверждение тому - произошедшее совершенно неожиданно событие. Газета стала Золотым Лауреатом Национальной Литературной Премии “Золотое Перо Руси” в номинации “Издание”. Значит, все делали правильно, объединяя на страницах авторов со всех концов страны.

Гостили у нас авторы и из-за рубежа. Часто на страницах рядом стоят и маститый автор из Америки и двенадцатилетняя девочка из Ко-лымского поселка Синегорья.

Считаю это одним из наших когда либо печатавшихся в

Благодарю за добрые слова, сказанные в наш адрес основателем и главным редактором журнала “Северомурские огни” Виталием Кузнецовым. С данным изданием установились тесные личные и творческие отношения, что является для нашей молодой газеты большой честью и удачей.

Наверное выход этого номера подводит символическую черту под первым этапом становления газеты, открывая дорогу дальше. Я хотел бы поблагодарить всех без исключения авторов,

нашей газете. Пока есть вы, - существует газета.

Искреннюю благодарность выражаю магаданскому художнику Владимиру Мягкову. Созданный им графический логотип сделал газету узнаваемой и запоминающейся.

Нельзя не отметить нашего редактора и веб-дизайнера Рудомазину Юлию, нашей совместной работы

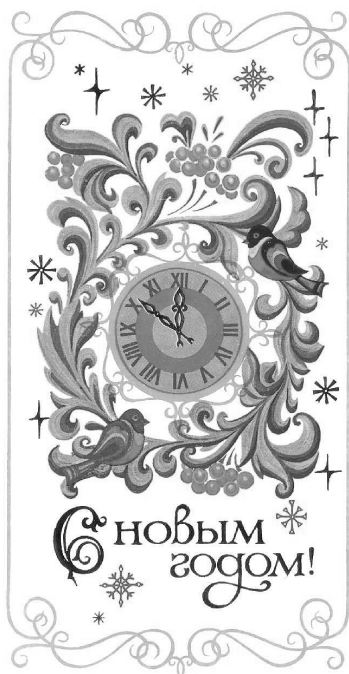
стараниями которой автор-ему не пришлось краснеть ский материал находит свое за “Интеллигент - Мага- место на печатных полосах. дан”. Уверен, что будем Это очень непростое дело, продолжать идти дальше, во многом завершающее работая над ошибками. всю предыдущую работу Ведь нет вещи, которую над номером. нельзя улучшить.

Особо хочу поблагодарить Сергея Пашкова за то, что в свое время он разглядел в моей идее долю рациональ- ного. Надеюсь, за все годы нашей совместной работы

Сергей Малашко

*В статье использованы фотографии
Александра Крылова*

<https://alkrylov.livejournal.com>

Дорогие друзья!

**Редакция медиагруппы “Интеллигент”
поздравляет своих любимых авторов и читателей
С Новым 2019 Годом!**

**Желаем Вам и Вашим близким счастья и успехов
во всех добрых начинаниях!**

**Пусть не покидает Вас вдохновение!
Пусть Вам всегда сопутствует творческая удача!**

“ЗОЛОТОЙ” издатель из Магадана интервью с Виталием Кузнецовым

Виталий Кузнецов

Северомуйск, Бурятия

Учредитель и главный редактор авторского литературного журнала «Северомуйские огни».

Член Европейского конгресса литераторов, действительный член Крымской литературной академии.

Лауреат Канадской литературной премии им. Эрнеста Хемингуэя, всероссийской премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

С Виталием Кузнецовым беседует учредитель Международной медийной группы «Интеллигент» Сергей Пашков:

- Здравствуйте, Виталий!

В связи с вновь открывшимися фактами в конце октября этого года, а именно, награждением Сергея Малашко юбилейной медалью Союза писателей Москвы, а также награждением его за издание газеты «Интеллигент Магадан» в Центральном доме Союза писателей в Москве «Золотым пером Руси», хотелось бы задать вам несколько вопросов.

Мне хорошо известны факты о вашем плодотворном сотрудничестве, хотелось, что бы и читатели газеты узнали бы о них от вас, но для начала расскажите, как вы познакомились и чем Сергей вас заинтересовал?

- Тот, кто хоть раз прочтёт охотничье-рыболовные рассказы Сергея Малашко, никогда не останется равнодушным к его творчеству, творчеству талантливого писателя прозаика-публициста, рыбака-охотника с большой душой и чистым сердцем. Его произведения заставляют нас, читателей, и меня в том числе, задуматься не только о бесконечности наших природных богатств Севера России, но и о великой душе северного человека, обладающего этими богатствами, сберегающего и дух Севера. Для меня, как редактора журнала, воспевающего любовь к природе и человеку в её окружении, Сергей явился уникальной находкой, таким золотым самородком Магадана. А самородок этот преподнёс нам, познакомил с творчеством Сергея, мой

Сергей Малашко на церемонии вручения премии “Золотое Перо 2018”.

На фото (слева направо): Владимир Бояринов, Сергей Малашко, Светлана Савицкая, Николай Дроздов

давний друг и соратник по журналу, замечательный писатель-лирик из Башкортостана Михаил Смирнов. В соавторстве с Сергеем Малашко они выпустили великолепный сборник лирических рассказов о природе, рыбалке и охоте «Одна, но пламенная страсть». Советую всем прочесть.

- Как вам тот факт, что я, основатель и учредитель медийной группы «Интеллигент», проживаю практически у финской границы, тогда как

Сергей Малашко, соучредитель, проживает на Колыме, а сотрудничаем мы с ним уже продолжительное время и, слава богу, серьезных недоразумений у нас не было?

- Неудивительно, к радости. В подобном режиме вот уже более 10 лет мне, как главному редактору, приходится сотрудничать со всеми ответственными редакторами нашего журнала. А живут они и тво-

рят духовное далеко за пределами нашей северной Бурятии, где издаются «Северо-Муйские огни». Эти люди для меня не просто коллеги, но, в первую очередь, духовные соратники. Сергей Малашко, недавно возглавивший новый литературный раздел нашего журнала, - один из них. И вам, как главному представителю медийной группы «Интеллигент», и мне с ним очень повезло. Да будет так!

- *Понравились ли вам оформление газеты «Интеллигент Магадан», его, так сказать, формат и, конечно же, подборка авторов и материалов? А что бы вы отметили положительного и есть ли некие от вас советы по данным критериям?*

- О газете «Интеллигент Магадан» я могу сказать больше - уникальное издание! И по содержанию, что особенно важно, и по оформлению газета представляет собой высокопрофессиональное и глубоко духовное литературное сооружение. Всякий раз, когда мы получаем свежий номер «Магадана», мы непременно рассылает его и нашим читателям по всей России. В ответ получаем благодарные отзывы. Правда, есть и обратные критические отзывы, касающиеся чисто технической стороны текстов, их не всегда совершенной пунктуационной грамматики, что при должном внимании, естественно, легко поправимо. Это и есть главные критерии, по которым способно успешно развиваться любое литературно-художественное издание. Критика - основной двигатель литературы. А, по словам нашего великого сибирского писателя Валентина Григорьевича Распутина, самая лучшая критика - это отзывы читателей.

- *Благодарю, Виталий, за искренность. Непременно учтём.*

Вы стали публиковать у себя в журнале авторов из Магадана и Магаданской области, как вы лично оценили бы их потенциал для вашего издания?

- Вот потому мы и стали публиковать авторов из Магадана и Магаданской области. В их произведениях мы увидели отражение и нашей сути. Любовь к природе, к своему суровому, но милому северному краю, к его духовно богатым людям - есть те основы начала, что легли фундаментами газеты «Интеллигент Магадан»

и «Северо-Муйских огней». Наш журнал широко приветствует авторов из Магадана и области. И мы надеемся на долговременное творческое сотрудничество с ними.

Добавлю, что в декабрьском выпуске наших «Огней» мы представляем поэтическую подборку Синегорья - уникального молодого рабочего посёлка, расположенного в пятистах километрах от Магадана. По духу нам - нашему БАМовскому Северомуйскому жителю Синегорья очень близки.

- *Я долгое время знаком с Сергеем и понял, что он в творческом плане усердно старается не только продвигаться сам в своих изысканиях, но и продвигать других авторов.*

Мне порой странно смотреть на потуги неких самодельных, так сказать, творцов, которые только стараются для себя любимых вкладываться, но их потуги в огромном информационном пространстве никто не только не оценивает, но и не замечает. Даже встречаясь или пересекаясь с такими авторами, я неоднократно им показывал на фактах и примерах, что, вовлекаясь в некое творческое образование или течение, не следует полагать, что вы там попросту растворитесь как индивидуальная творческая личность. Что, публикуясь с разными по уровню авторами, на вас никто и не обратит в таком издании внимания. Напротив, вряд ли кто на вас обратит внимание в современном огромном творческом море, но в которое впадают уже конкретные «реки» издательских, конкурсных, фестивальных, литературных течений. Да, есть и различные в этом «свои», так сказать, тусовки, свой внутренней круг тесного братства, но самодельности, не имея коллектива даже новых читателей и сотворцов, трудно сделать серьезную о себе заявку! Сергей прекрасно это понял и потому решил на издание газеты «Интеллигент Магадан» в нашем уже сформировавшемся медийном проекте. Более того, из регионального издания он быстро вывел газету в межрегиональное и даже в международное. Как вы лично считаете, это для него было мудрым решением или следовало бы ему печатать только свои авторские книги?

- Несомненно, решение правильное. Именно в этом направлении «Интеллигент Магадан» и стал популярным,

читаемым. И это очень важно для любого литературного издания. Иначе и быть не может. Сергей - он не только хороший писатель, автор собственных книг, но и неплохой организатор и чуткий руководитель. И потому газета не осталась просто газетной бумагой.

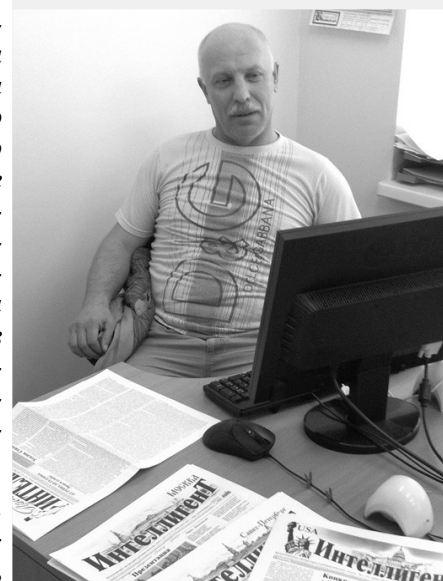
- *А вот теперь у меня к вам ещё два вопроса: Расскажите, какое между вами и Сергеем творческое сотрудничество, а также издательское, и довольны ли вы этим? Как вы считаете, издательское усердие в проекте газеты «Интеллигент Магадан» для Сергея оценено должным образом и есть ли ещё к чему-то стремиться?*

- Отчасти на эти вопросы я уже ответил. Но всё же хочется добавить, по-дружески. С Сергеем мы стали искренними друзьями, настоящими соратниками, радеющими за успех одного общего дела - духовного процветания нашего Русского Севера, способного удерживать современную русскую литературу на должном высоком уровне. Да будет так.

- *Спасибо за откровенную беседу.*

Интервьюер:
издатель, художник, публицист,
учредитель Международной медийной группы «Интеллигент»
Сергей Пашков.

Специально для «Интеллигент Магадан»

Михаил Тарковский

Тарковский Михаил Александрович, русский поэт, писатель, член СП России. Родился в 1958 г. в Москве. Закончил Московский педагогический институт им. В.И.Ленина по специальности география/биология. В 1981 году уехал в Туруханский район Красноярского края, где почти сразу же начал писать стихи, и где работал сначала полевым зоологом на биологической станции, затем охотником в с. Бахта, и где и живет по сию пору. В 1991 году закончил Литературный институт им. А.М.Горького, заочное отделение, семинар поэзии В.Д.Цыбина.

Автор стихов, рассказов, повестей, очерков, печатавшихся во многих литературных журналах. Лауреат премий журналов "Наши современники", "Роман-газета", "Новая юность", а так же литературных премий, в частности премий Белкина, Соколова-Микитова, Шишкова, Л.Н.Толстого "Ясная Поляна", первого редактора Литературной газеты Антона Дельвига, международной премии «Югра» в номинации «Проза» «За настоящую сибирскую прозу» и премии В.М.Шукина. Дважды дипломант славянского форума «Золотой Витязь». Автор книг: "Стихотворения", "За пять лет до счастья", "Замороженное время", "Енисей, отпусти!", "Тойота-креста", "Избранное", "Вековечно", "Сказка о Коте и Сае", "Полёт совы", «Что скажет Солнышко». Главный редактор альманаха «Енисей».

О НУЖНОСТИ ПИСАТЕЛЯ

Надоели разговоры о ненуж- и матюшок, и молодёжное спирать, что лишь героичесности честного писателя. По-мо- словечко. Но он должен всё кие эпохи рождает великих ему, наоборот гордо, что ты не время говорить и никого не писателей. Героизма полно: расхожий, не в верховой струе обижать, за это его и держат. каждый день война где-то. И ходишь, а где глубже. И хватит Он на работе. «Россияне» звонят трагизмах все время стыдно. нуть.

Есть Рахманинов, великий русский композитор, которого изредка слушают в консерватории, а есть Маня Разгуляева, мы всегда ее включаем, когда едем по зимнику. А ты сам-то кем хочешь быть? Наверняка Рахманиновым. Дак вот слушай, «рахманинов» хренов... Моцарта похоронили нищего в общей могиле. 8 флоринов 56 крейцеров - на погребение, плюс 3 на похоронные дроги. Ты хочешь писать, как Рахманинов, а получать как Разгуляева. Не выйдет. Не нравится время, не нравится телевизор, не нравится многое. Понимаю. Жизнь одна. Тоже понимаю. Сам себе не нравишься. Ещё как понимаю. Но как говорит мой сосед: мы мужики и не в такое ... попадали.

Ладно, ты не хочешь как Разгуляева. Хочешь, как Пупкин. Давай разбираться, кто такой Пупкин. Пупкин это эстрадное пение. Реложение Рахманинова. Подходит? Нет. Понятно. Вот есть еще тебя, и у меня. Это же лет пять где-то ногу отсидеть. И на Пипкин. Полуписатель-полужурналист. Хлесткий. Может

ему на передачу и народный гнев выпускают. Тоже не подходит.

Ты другой. Ты хочешь, как «кировец» с ножом. До земли, серьезно, по-русски. Понимаю, сам такой. И вариант есть беспроектный. Эпопея классика «Войны и мира», «Тихого Дона» и «Ста лет одиночества». О нас. Все живые. Раз прочитал - перед глазами стоят. Все родное, русское, узнаваемое и одновременно трансвековое, дальноточное. Про сибирскую деревню, например. Сквозная история семьи: колхозные годы, промхозные, девяностые и последние. О том, как каждые десять-двадцать лет не удавалось мужику пожить спокойно, только приспособится - по ногам. Только чуть поднялся - на тебе! Только прискрипелся - на! То подсматривать. Ничего делать одно, то другое, то третье... То не надо: и так интересно. А укрупнение, то перестройка. когда погружаешься в чей-то мир, приходится работать. Не было давно написать. Да чтоб подглядывать за писателем, а еще и перевели на десять в душу его влазить, в мир, в языков. Но кишка тонка. И у глаза его. Где-то скрючиться, сидеть надо сиднем! И голодом. месте писателя помочь бы, а И неизвестно, что выйдет. Так мы ворчим.

Ладно... Давай ближе к жизни. Ты прекрасно понимаешь, что результат твоей работы не статья критика, а письма - по ним можно точно сказать и кто ты, и кто твой читатель. Хотя каждый и так внутри знает, для кого пишет. Очень грубо: заведующая библиотекой, преподаватель литинститута, одинокая русская пенсионерка в Таджикистане. И другое: молодая продавщица косметики, директор турагентства, ведущий молодежной программы на телевидении. Ясно, которая аудитория больше, которая в законе. Тебе какая дороже?

Всем нравится читать про известных людей - это как подсматривать. Ничего делать одно, то другое, то третье... То не надо: и так интересно. А укрупнение, то перестройка. когда погружаешься в чей-то мир, приходится работать. Не было давно написать. Да чтоб подглядывать за писателем, а еще и перевели на десять в душу его влазить, в мир, в языков. Но кишка тонка. И у глаза его. Где-то скрючиться, сидеть надо сиднем! И голодом. месте писателя помочь бы, а И неизвестно, что выйдет. Так мы ворчим.

Я, например, сам себе отсек давай-ка... пошли быстро по машинки вдруг восхитится половину читателей, тем что не сто пятьдесят... Оказалось сам замороженными мужиками умею описывать город. Тайгу, с Калуги, у меня предки отту- и их переживаниями. И за- Тихий океан, охотников и их да. Охота, природа, книги. чем смущать девчонку, когда жен - пожалуйста, потому что Оптиная... Недавно взял в библи- она сама позавчера из Севе- люблю. Город так не люблю, не отеке мою книгу, вживался, родвинска приехала в Москву понимаю, наверно. Хотя там переживал: «С мужиками, твои- деньги зарабатывать. Это как понимать особо нечего - люди ми товарищами, с Толяном, с влюбить в себя манекенщицу, везде люди. Но в плане литера- Геннадием и в избушке посидел, а потом заставить её кулёмки турном здесь всё освоено и на- и в лодке проехал, и водки по- рубить. до разгребать место, а на это пил, и поговорил обо всем... свой талант и героизм нужен. Самому уже не попасть на Ени- Мне проще в свежей тайге сей, ну хоть так. Спасибо тебе. . С другой стороны, в пылу отстроиться. Пиши главное».

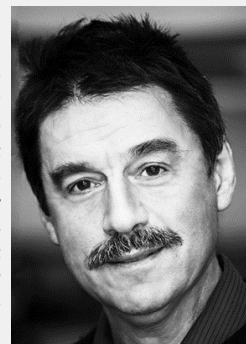
Хотя друзей в городе полно. Но Читатели бывают грубо двух в приезд туда так устаю за первые типов: глубинные и просто чи- этот нужен, чтобы уяснить, две недели, что дальше для татели. Глубинный это так на- что виноват всегда писатель, общения не гоюсь. Кто успел, зываемый подготовленный чита- и никогда читатель. И что тому повезло. Зовут знакомые, тель, воспитан на традиции, больше никого и не су- которых не видел два года, а сил ему все равно где происходит ществует. И повторю, всё нет. Обижаются. Ладно, говорят, действие, в Москве, Красноярске ворчанье о том, что в нынеш- что с тобой поделаешь, отдыхай. или Южно-Курильске, бы была ней России нет места честно- А я-то не отдыхать ложусь, а глубина и связь с русской клас- му писателю - это из-за сла- беру пивка и к однокласснику- сикой. Это как мы, только ума вы: что мало о тебе говорят, и соседу, с которым могу хоть хватает не писать. Могикане. из-за денег, что мало платят. каждый день видется. Просто А по-моему, если тебе повез- молчать или про машины гово- А для большинства вникать в ло настоящим писателем ро- рить. Читатель такой же. На де- быт промысловиков скучно и диться, то еще и припла- тектив есть силы. А на тайгу нет. неохота, к тому же смутно чув- чивать надо за это счастье.

Сам я читаю точно и только уже было у «деревенщиков» тухе и вдруг - неожиданная по наводке. Сопровствляюсь: а (дурацкое вынужденное слово, вершинка. Ты-то знаешь, вдруг и вправду хорошо, сильно как рамочка). Мои енисейские откуда она, и что сам не при написано, и всё это пережить рассказы читают либо могикане, чем тут. Но зато какое придется. Понятно, что потом либо люди, связанные с тайгой, счастье! Его уже никогда не спасибо скажешь, а вначале природой, дикой Сибирью. Я забудешь и ни на что не решиться надо. сам так зарядил, когда хотел променяешь. А если найдется

Стоял на охотничьей выставке именного земляков пронять до кто-то, кто все твои вершинки костей, и они, пронятые, мне повторит, пересчитает, не со своими книгами. Подошел дороже тысячи других были: с жалея санок и ещё спасибо мужик лет пятидесяти, рослый, таким тылом я смело шёл в скажет, то не зря жизнь любой журнал. За что же ру- прожита. Поэтому береги чи- крепкий, открытое лицо: Сколь- гать молодых москвичек, торгу- тателя смолodu и не ропщи - ко стоит книга? С автографом ющих поездками в Хургаду мал золотник да дорог. А ющих поездками в Хургаду или шампунем, если им неин- золотник у каждого свой, тересно про охотоведа из Вер- может быть для тебя это как хнеинзыревска, или что ничего раз те девчонки, что торгуют не говорит им зимний дизельный шампунем. Если конечно шапашок японского грузовичка. скажешь про них что-то такое, от чего они заплачут и Да и неудобно, если красивая тебе на плечо пушистую ды... Глаза красные. Володька, накрашенная девушка из новой голову положат.

Дмитрий Гаранин

Родился и вырос в Москве в годы Брежневского застоя. Окончил МФТИ, работал в Физическом Институте им. Лебедева АН СССР. В 1992 эмигрировал в Германию, работал по специальности. С 2005 года - профессор на физическом факультете Lehman College в Нью-Йорке. Автор около 130 научных статей. Писал стихи в 1978-82 и 1988-89 годах, но не публиковал, и в литературной жизни не участвовал. Вновь заинтересовался поэзией в конце 2012 года. В настоящее время автор 16 книг стихов, изданных под собственной маркой Arcus NY. Публикации в журналах "Крещатик", "Слово/ Word", "45-параллель", "Зарубежные задворки", "Asian Signature (Индия)

Когда не ждёшь её совсем
пускай нагрянет хоть случайно
и наконец необычайно
хоть что-то в будней суете
каким-то новым озарит
возможно и неясным светом
или подувшим было ветром
заплесневелый динамит
подсушит на предмет подрыва
уж неопасного но вновь
как к молодому всё ж любовь
спешит пока неторопливо

* * *

Скоро уж липы грянут своим ароматом
и средь зеркальных расщелин завяжется жар
Выйдет наружу то что до времени прятали
женщины чтобы и млад подивился и стар

В этом большом налившемся мёдом яблоке
в воздухе вязком себе червя туннель
мимо красавиц закинувших ноги за столиками
взгляды бросаешь чувствителен но несмел

в односторонности оптического контакта
по сю сторону социальных мембран
не рассчитанный для боевого акта
прорыва в направлении этих дам

Если бы курс пройти ролевой подготовки
с инструкторшей что умело срежет барьер
проведя через пару шагов неловких
первых за которыми без потерь

то не будешь уже в одиночестве упражняться
самопишущим органом языка
перед гипотетической зеленоглазой массой -
экзистенции извилистая река

тебя понесёт

* * * *

Кондиционер бился, как лев, в клетке окна,
В атмосфере комнаты не производя прохлады.
При малейшем движении из-под причёски на
Клавиатуру компьютера пот устремлялся градом.

Я напрягался, вместо того чтоб сорвать банан
И залечь под сенью широких листьев
На территории одной из отсталых стран
Вдалеке от обязанностей ветвистых,

Не придавая значения громадьё
В поле жизни дикорастущих планов
И идей, которым созреть даю
И настояться до степеней дурмана.

В четырёх стенах раб самого себя,
Одержимый собственным перебродившим духом,
Век на градусе, спокойствие не любя,
Всматриваюсь и говорю "Ану-ка!"

УЖАС САДОВНИКА

Сорняк - это тот, кто не даст себя затоптать,
Искоренить без применения специальных средств.
Парков мемориальных жуть,
В разграфлённость садов вторгшийся тёмный лес,

Кто отнимет место под солнцем в квадрате своём
У розы и ириса, спящих, себя опылив
Перекрёстно, наперекор ветрам
По периметру установив гранит.

Если зверь какой чужеродное семя занёс
В нерасчёсанной шерсти, в отпечатках своих копыт,
По недосмотру в ограде проделав лаз -
Этот случай прискорбный душу пусть берedit!

Если меры не приняты незамедлительно,
Через какое-то время задушит садовый строй
Колючая дикорастущая братия,
Для которой почва культурная - перегной.

* * *

Выходи пред небесною силой один-ка!
Грозовеет вокруг, недокликаться ближних.
Наступает развязка шнурков на ботинках.
Разжигают огонь, тот что грешников лижет.

Перед судьями скоро предстанешь ты босый
И душой на просвет ослепительно голый.
Ты ответишь за всё, что содеял без спросу.
И опустишь глаза пред журащими долу.

Ведь ты не был рабом, исключительно божьим,
И своими идеями полнился гордо.
Ты с рабами по жизни ничем не был схожим.
Обходил стороною достойных когорту.

И по схемам своим создавал каждодневно
Вольной мысли устройства в упорной работе -
В глубине человечества многоколенной
Пусть там крутятся дальшие на автопилоте.

* * *

Растворяя в крови каберне и мерло
Расширяя сознание до точки отрыва
От всего что знакомо как карта метро
К миру деэпричастность узрев и отринув

Забрести что ли в глушь заповедных лакун
Где тяжёлые вещи на пушечный выстрел
На краю пустоты пляшет входа лоскут
И невиданный плод созерцания вызрел

* * *

Под настроенье депрессивное
Певучих жалоб брызнуть ливнями
На сокровенную тетрадь
И тучи сплина разогнать,

А лучше дерзко-завиральную
Строку воздеть маниакальную
К ультралазурным небесам,
К лечебным птичьим голосам.

* * *

*Сократ мне друг, но истина дороже
Платон*

Друг тебя никогда не предаст,
даже как жертву истине.
Она, с чешуёй золотой, тотчас
в омут амбиций свистнет.

Себя за твой утверждаёшь счёт,
другой ступает на кочку,
вокруг которой тщета течёт
и лжи пузыри клокочут.

* * *

Ничего не требуй от кого
бы то ни было какой бы редкий случай
страхся что противиться слабо
сильному и карта в руки лучше

Ни души вокруг ты незави-
сим ни от кого кому ты нужен
был бы для поддержки визави
с бедствием средь человеческой стужи

В предвкушении скольженья по волнам
Афродита на берег сойдёт.
За спиной - опора бурных вод,
Спереди же вся открыта нам.

Папарацци, жми скорей на спуск,
Девушки фронтальный вид лови!
Пусть теснятся мысли о любви
В нас от этих первозданных уст!

Ещё миг и, оседлав прибой,
Позабудет нимфа о земле -
В том кипящем рождена котле
И не создана для нас с тобой.

Неосушимое мерло,
Заблудшей мудрости мерило,
Подлей-ка жару озорно,
Чтобы сознание воспарило!

Но тело чтоб не умерло
В анестезии без обмана,
Когда бутылочное стекло
Наполнит вены, как из крана.

Окутав красной кисеей
Всех органов хитросплетенье,
Бордовым отблеском сияй
В глаза счастливому растению!

Пусть мысли вольные кружат,
Птенцы, пробив свои скорлупы,
И отдыхают, не тужа,
Всех чувств немеющие щупы.

На отрезке бесконечной прямой,
В темноте освещённом отрезке,
На членистой линии родовой
Проведи выступление с треском!

Одноразовой жизни артист,
Ты не просто сцепление генов,
Своим собственным духом цветист
Средь материи тел гомогенной.

Ирина Хомка

*11 лет, ученица пятого
класса, родилась в п.
Ягодное. Рассказы начала
писать в этом году.*

*Пару раз публиковалась в
«Северной правде».*

*Публиковалась в газете
«Интеллигент Магадан».*

Страна Воображания

Жил на свете мальчик Илья и УЖ он очень любил воображать. Он даже мечтал что, когда вырастет, то он станет мэром города и всё поменяет! И он мечтал даже на уроке математики: "Была бы у меня такая ручка, которая сама может и решить все примеры и задачки на пять!". А, уходя из школы, он мечтал иметь летающие кеды. Чтобы на них можно было долететь до дома за три минуты!

Однажды папа Ильи показал мальчику старый фотоальбом, который передавался в их семье по наследству. Илья так долго разглядывал ЕГО, что уснул. Во сне ему приснилась страна, где можно вообразить себе что угодно, и оно сразу же появится! Илья шёл по дороге и увидел знак где было написано: "Налево - страна Воображания, прямо - страна Потех, направо - страна Ужасов". Мальчик сразу же пошёл налево. ВСКОРЕ ОН увидел золотые ворота. Их охраняли двое солдат. Они сурово посмотрели на Илью и спросили:

- Тебе чего, мальчик?

- Я хочу попасть в страну Воображанию. Вы меня пропустите?

Солдаты сначала посмотрели друг на друга, потом на мальчика и сказали:

- Конечно, проходи!

Они открыли ворота и Илье открылись прекрасные виды страны Воображания. Издалека доносилась красивая мелодия, под которую хотелось танцевать. Илья туда шагнул, НО неожиданно стал падать. Но мальчик не растерялся. Он вообразил свои любимые летающие кеды, и они мгновенно появились на его ногах. Илья был так рад. Он летел по небу и пока ничего не видел. Но почему? Илья летел и летел, и так до сих пор ничего не попадалось ему на глаза.

Мальчик решил приземлиться и что нибудь вообразить. Когда он приземлился, чуть-чуть отдохнул и вообразил дом на горке, ГДЕ стоят маленькие вентиляторы для охлаждения при

приближении к ним. Но у него это не получилось. Он стал пробовать ещё несколько раз, но попытки были напрасны. Илья присел на корточки, закрыл руками лицо и чуть не заплакал. Но ЗДЕСЬ НЕОЖИДАННО СОЛДАТЫ ОТКРЫЛИ ЗОЛОТЫЕ ВОРОТА, и заиграла красивая мелодия, и стали появляться разноцветные и разные дома, разные животные и летающие машины. Потом появились жители города и король. Они подошли к мальчику. Илья поднялся, вытер маленькие глазки и сказал:

- Здравствуйте, Ваше Величество! А это Ваш народ? Скажите, почему у меня не получилось ничего вообразить ведь это страна Воображания?

- Илья, здравствуй. Да, это мой народ. У тебя не получилось ничего вообразить потому, что вокруг не было ни чего воображаемого, а теперь вообрази свой домик с горкой! Илья подумал, и домик мгновенно появился на соседней улице, которую он тоже вообразил и назвал её своим именем.

Король разрешил мальчику гулять по городу, пока ему это не надоест. Илья подружился с жителями, которых зовут Булька, Бонька и Лёнька. Друзья отвели Илью в кафе, где можно придумать своё мороженое и оно будет в меню. У мальчика было самое красивое мороженое - радужный рожок, начинка из ежевики и сверху вишенка. Булька, Бонька, Лёнька и Илья пошли в парк аттракционов. Там они пошли в комнату кривых зеркал, покатались на большом слоне, стреляли в друг друга из водных арбалетов и были все мокрые. Но это путешествие уже подошло к концу ведь мальчик услышал тихий и нежный голос мамы:

-Илюша, вставай, уже утро.

Екатерина Лимонова

Я родилась 10 января 1988 года в Магаданской области, п. Синегорье. Коренной житель. Всё своё свободное время и безграничную любовь я дарю своей семье.

Стихи начала пробовать писать в 12 лет, к 15 годам у меня зародилась мечта – когда-нибудь выпустить свой сборник стихов. И вот, моя мечта сбылась в июне 2018 года – вышел мой первый долгожданный сборник стихов. В г.Магадан под названием «Не забывай, что я люблю тебя». Электронный макет книги и идею обложки я подготовила самостоятельно. Мне нравится делиться своим творчеством, проникать в сердца людей через свои стихи. Моим наставником в мире поэзии был замечательный человек и поэт Суздальцев Анатолий Фёдорович. Я с удовольствием принимаю участие в различных конкурсах связанных с поэзией или прозой, посещаю поэтические мероприятия в библиотеке.

Для меня нет высшей награды, чем быть мамой

Стихи, посвящённые моей дочери Елизавете

«Доброе утро»

Я проснулась утром рано,
Медленно сползла с дивана.
Спотыкаясь об игрушки,
Кубики и погремушки,
Как-то добралась до ванны.
Сонно чищу зубы. Странно.
Вкус у пасты непривычный,
Да и запах необычный.
Я на тюбик посмотрела,
Прочитала «Крем для тела».
Дочь над мамой пошутила,
Пасту кремом заменила.
Окончательно проснувшись,
Отражёнью улыбнувшись,
Завтрак всем пошла готовить
Тихо, чтоб не беспокоить
Сон дочурки баловницы,
Нашей с папиной шутницы.

«Я люблю тебя, дочка»

Будто тысяча ярких огней
Ярче солнца в душе засветились
В самый лучший из солнечных дней,
В этот день ты на свет появилась.

Одарили меня небеса
И я к небу душой прикоснулась.
Убедилась, что есть чудеса,
Когда ты в первый раз улыбнулась.

Всё тебе я готова отдать,
Моя дочка, моя ты отрада.
Ты пришла мне, наверно, сказать
«Не грусти, моя мама, не надо».

Человек не живёт без воды,
Так и я без тебя, дорогая.
Ты прекрасней небесной звезды,
Я люблю тебя и обожаю.

Покорила меня ты навек
Своей милой улыбкой и взглядом.
Я счастливый с тобой человек,
Только будь со мной, доченька, рядом.

У тебя за спиной два крыла -
Это мама и папа родные.
Мы с тобой, где бы ты ни была,
Всегда рядом в часы непростые.

Нет сокровища в мире ценней,
Чем любимые добрые дети.
Я люблю тебя, дочка, сильнее,
Чем все мамы детей на планете

Моей дочери посвящается.

Когда мы ещё не знали пол ребёнка, мы
ласково звали тебя - малыш.

«Малыш»

Малыш мой маленький, родной,
Желанный и неповторимый,
Бесценный, лучший, дорогой,
Комочек счастья наш любимый.

Ты греешь изнутри меня,
Щекочешь, ласково играя,
Растёшь во мне день ото дня,
Мою реальность изменяя.

Бог спас меня от пустоты,
От пропасти и мук душевных.
Мой Ангел Счастья - это ты!
Моя мечта из сокровенных!

С тобой развеялась печаль,
Притихла боль, душа сияет.
Дней прожитых теперь не жаль,
Меня любовь переполняет.

Храни Господь тебя от бед,
От горя, боли и печали.
Живи, как минимум, сто лет
В любви под яркими лучами.

Молюсь о здравии твоём
И о судьбе твоей счастливой.
Малыш! Мы так тебя здесь ждём,
А дни идут неторопливо.

Мне хочется тебя обнять,
Губами пальчиков коснуться
И долго-долго целовать,
С тобой в мир детства окунуться.

Твоё рождение на свет -
Есть чудо, высший дар, награда!
И выше счастья в мире нет,
Мне большего, чтоб жить, не надо.

«Ты дочь моя» (Триолет*)

Ты дочь моя, моя отрада,
Мой лучик солнца, яркий свет,
Моя вселенная, мой след.
Ты дочь моя, моя отрада.
Ты в небе сказочный рассвет,
От Бога высшая награда.
Ты дочь моя, моя отрада,
Мой лучик солнца, яркий свет.

«Я под сердцем тебя носила»

Я под сердцем тебя носила,
Как сокровище берегла.
Ты мне стимул жить подарила,
От печали меня спасла.

Очень добрые на ночь сказки
Я придумывала тебе,
Ты свои закрывала глазки
В моём маленьком животе.

По утрам ты просила кушать,
Приходилось рано вставать.
Голос папы любила слушать
И о чём-то своим мечтать.

Мы одним организмом были:
Вместе радовались всему,
Вместе книжки читать любили,
Слушать в комнате тишину.

Я пик счастья с тобой познала,
Научилась правильно жить,
Я всю жизнь о тебе мечтала
И хотела тебя любить.

За тебя благодарна Богу,
Я навек перед Ним в долгу.
Моя жизненная Дорога
Без тебя вела б в пустоту.

«Как сильно я тебя люблю»

Один Господь, наверно, знает,
Как сильно я тебя люблю.
Любовь меня переполняет,
Когда в глаза твои смотрю.

Моя кровинка, дар от Бога,
Ты радуга над головой,
С тобой легка моя дорога,
А в сердце счастье и покой.

К тебе любовь моя, родная,
Намного выше облаков,
Она без дна, она без края,
В ней нет, как в море, берегов.

Она, как солнце, светит ярко
И греет изнутри меня.
Нет в жизни лучшего подарка,
Чем ты, любимая моя!

* Триолет - стихотворение (твёрдая форма) из восьми строк на две рифмы, при этом первый стих в обязательном порядке повторяется в четвёртой и седьмой, а второй стих - в завершающей строке.

Максим Хорев

О себе: На Севере с 1971 года. За это время познал и полюбил Север. Знаю золотодобычу, механику и энергетику в общих чертах. Жил в горняцких посёлках (Полевой, Бурхала), теперь живу и работаю в посёлке Синегорье Ягоднинского района Магаданской области.

Увлечения: люблю спорт (любой), охоту рыбалку, музыку и песни (кроме примитивной попсы), поэзию (своих современников), общение с друзьями, мальчишники и весёлое застолье (непродолжительное).

Мечтаю: дожить до того времени, когда зарплаты будет хватать всем для благополучного проживания.

НА АБОРДАЖ

(В.С.Высоцкому)

Мы в паруса свои поймали ветер,
Для рыцарей удачи славный миг.
Теперь мы знаем, что еще не вечер,
И не уйдет от нас торговый бриг!
Залп наших пушек рвёт ему корму,
Все реже нам противник отвечает,
Вот капитан наш шпагою взмахнул,
Желанный миг атаки наступает!

*На abordаж! На abordаж! На abordаж!
«Веселый Роджер» на флагштоке реет,
Богатый груз сегодня будет наш!
Пусть кровь соперника от страха леденеет!
На abordаж! На abordаж! На abordаж!
Смелее в бой! Ведь черти наши братья!
Изрубим в клочья паруса и такелаж!
Прорвемся к трюмам мы сквозь стоны
и проклятья!*

Мы брали бриг, нарвались на засаду.
Нам не уйти! Нам больше не везет!
И верить в помощь черта нам не надо -
Нас окружает королевский флот!
Молчат уныло жерла наших пушек,
Запас иссяк, поник наш черный флаг,
И общий стон: «Спаси Бог наши души!»
Но перед нами беспощадный враг!
На abordаж! На abordаж! На abordаж!
Жестокый враг, он нас не пожалеет!
Известен всем ужасный жребий наш -
Кто не умрет в бою, тому висеть на реях!
На abordаж! На abordаж! На abordаж!
Окрасит воду кровь из наших ран.
В последний бой идет пиратский экипаж
Умрем свободными, нас примет океан!

К юбилею пос. Бурхала

Суровый край. Полярных рек истоки.
Был создан там, где лишь тайга была
Прекрасный прииск Северо-востока
С загадочным названием «Бурхала.»

В долинах рек от «Джелгалы» и до «Героя»
Среди золотиносных россыпей,
Пятидесятилетний путь от лагерей Дальстроя
Через расцвет в «застой», к разрухе наших дней.

Да, Бурхалинцы люди крепкого закала,
Через мороз, гранит и мерзлоту,
Дерзкий тонн валютного металла -
Бессмертный памятник горняцкому труду!

Горняцкого поселка век короткий,
Отмыты россыпи, скуდება их запас.
Рентабельность! Как приговор жестокий!
И только в сердце боль у каждого из нас!

И вспомнить в юбилей должны мы стоя
Плеяду замечательных людей,
И их геройский труд. В любой звезде Героя
Есть золото Колымских россыпей!

ПЕРЕКРЫТИЕ

Столь грандиозное событие
Его так долго ждали мы.
Сегодня будет перекрытие,
Усть - Среднеканской Колымы!
И наступил решающий момент.
К нему была большая подготовка.
Уж слишком много очень сложных лет
Сумела пережить большая стройка.
Река не просто так сдалась,
Чем меньше ширина прорана,
Тем свирепей она неслась,
Как зверь, почувствовавший рану.
Она, вцепившись в берега,
Стремилась разорвать плотину,
Непокорённая пока,
Хотела всё снести в стремнину!
И лишь бетонные кубы
Сдержали бег ее могучий,
И все превратности судьбы,
И непогоды редкий случай.
Тут вся героика труда
Гидростроителей заслуга,
Соединились берега,
Чтоб мы обнять смогли друг друга.
И слава всем, кто созидали,
Крутым невзгодам вопреки,
И тем, кого мы потеряли,
При покорении реки.
Теперь опёршись на плотину,
Реку, отправив через сброс,
Готовим к запуску турбины,
Чтоб всё что думалось, сбылось!

Ученье - Свет, а не ученье - Тьма,
Когда фонарик есть, совсем не актуально.

Скажу официально вам всемя,
Что знать, не зная-ли, не принципиально!
Теперь, анализируя ученье,
Хотя по жизни я и консерватор,
Знать надо всем таблицу умноженья,
Когда порой ломался калькулятор,
И алфавит запомнить не мешало,
Чтоб в телефоне пальцем тыкать смело,
Иль на заборе написать бывало,
Крутое слово белым школьным мелом!
Не пригидился мне бином Ньютона,
Я обходился без научных споров
И не нуждался никогда в законах
Ньютона, Гей-Люссака, Пифагора!
Я повышал свой низкий уровень культуры,
И не жалел себя ни капельки при этом!
Весь погрузился в славный мир литературы,
Читал историков, прозаиков, поэтов.
Зубрил Ремарка я, Толстого и Эзопа,
И я запомнил то, что книжный мир прекрасен,
И что: «Молилась ли ты на ночь, Пенелопа?»
Спросил Каренину подвыпивший Герасим.

Осень кончается на Колыме.
Падает снег. Он уже не растает.
В небе встревоженный крик лебедей,
Белые стаи на юг улетают.

Снежный порыв перекрыл перевал.
Мечутся лебеди в плотном тумане
И над рекой слышны взмахи крыла,
Уличный свет лебедей к себе манит.

Крик лебединый печальный, прощальный.
Тянутся все за крылом вожака,
И, понимая, что он самый главный,
Рвутся за ним сквозь туман в облака.

Мудрый вожак, он бесстрашно, как в бой,
Сильным крылом стаю всю увлекая,
Тянет упрямо весь клин за собой.
Молодь от снежных порывов спасая.

Юных прикрыть, чтобы силы хватало
Вырваться вместе из снежного ада,
Чистое небо за перевалом,
Дальше дорога в тёплые страны.

Крик лебединый вдали затихает.
Значит сумели! Значит прорвались!
Значит и жизнь свой виток продолжает
Осень уходит. Зима наступает...

А.Ф. Суздальцеву

Ему было предсказано судьбою
Жить среди тех, кто созидать умел,
Кто относился к делу всей душой,
Кто своим сердцем землю эту грел.

Он обожал колымскую природу,
Её ручьёв прозрачный чистый звук,
Грибы, рыбалку, ягоды, охоту,
Всё то, что рядом было и вокруг.

И создавал затем из вдохновений
И звучных рифм, прекрасный новый стих.
Из наблюдений и из размышлений,
И тихий шёпот сложных чувств своих.

Проникновенный слог в его словах
Тревожил нас и душу нежно ранил.
Всё, что сумел изобразить в стихах,
Свой мир, на память нам оставил!

Восторги почитателей, читателей,
Родных святая память и его друзей,
Народному поэту, созидателю,
Кто делал нашу жизнь прекрасней и светлей.

Синегорье

Над рекою, в чаше дивных гор.
Чи вершины в синей дымке тают,
Есть поселок, он с недавних пор
Самый лучший в Магаданском крае
Помним мы на берегах реки
Теплый дым костров первопроходцев,
Первые палатки и балки,
И туманы на восходе солнца.

Примечание:

В зимнем царстве вечной мерзлоты,
Словно сказка в серебристом инее,
Синегорье - сердце Колымы,
Славный городок гидростроителей.

Мы соединили берега
И упорству нашему в награду,
Покорила и пошла река
Сквозь турбины первого каскада.
Не забудем тех, кто с нами здесь
Эту стройку начинал с истоков,
Кто построил и освоил ГЭС
Первую на Северостоке

А память тащит всё издалека
И мне по-прежнему всё время снится,
Таёжный городок, дремучая река
И лёгкий иней на твоих ресницах,
И шелест волн у старого причала
Твои полужакрытые глаза и лес,
И тихий, тихий шёпот листопада,
И поцелуи под молчание небес.
Ах, как же молоды тогда мы были!
В моей руке лежит твоя рука,
Слова любви друг другу говорили,
Нас понимала мудрая река.
И столько лет уж наше счастье длится,
И серебрится на твоих висках!
Пусть счастье в детях наших повторится.
В моей руке лежит твоя рука.

ГИМН Усть-Среднеканских гидростроителей

Мы поднимались вместе со страной
И нам хватило мужества решиться,
Шагнуть со стройкой даже в век другой
Но всё же выстоять и не остановиться.
Чтоб покорила нас дремучая река,
Мы от нуля и до вращения турбины,
Своей судьбой соединяли берега,
Вложили душу мы свою в ядро плотины.

ПРИПЕВ:

Могучий исполин из стали и бетона,
Надёжный гул турбин Усть-Среднеканской ГЭС -
Энергетическая слава региона!
Основа лучшей жизни нашей здесь!
И снова покорила нас победителям,
В бетон одетая могучая река,
Гордись своей судьбой гидростроителя!
Всё то, что создано тобою, - на века!
И уже есть сегодня, чем тебе гордиться
Мосты с дорогами, больницы, ЛЭП и храмы!
Надолго в памяти народной сохранится
Всё то, что сделано умелыми руками!

ПРИПЕВ:

Могучий исполин из стали и бетона,
Надёжный гул турбин Усть-Среднеканской ГЭС -
Энергетическая слава региона!
Основа лучшей жизни нашей здесь!

ПРО ЛЁТЧИКА И САМОЛЁТ

Кончается мой показательный полёт,
Два пируэта, бочка, плавный разворот,
И вот уже в свободном лёгком кураже
Большая "мёртвая" петля! На вираже
Штурвал чуть-чуть вперед, немного от себя,
Глиссадой плавной приближается земля,
Мотор притихнет и почти уже замрёт,
Штурвал к себе! И снова вертикальный взлёт!
Послушной птицей в небо рвётся самолёт!
Победный небу гимн мотор опять поёт!
И на прощанье, помахав слегка крылом,
Уйду за горизонт на свой аэродром...

Я помню вечер зимнего седого декабря
Когда я первый раз сказал, что я люблю тебя!
Когда встревоженной душой сумел это понять,
Как волновался, что бы всё это тебе сказать!
И как прекрасна ты была вечерней той порой,
И как был сладок поцелуй тогда ответный твой!
Твои слова сквозь сердца стук, почти не понимал,
Но то, что ты моя судьба, уже я твёрдо знал!
И то, что нам с тобой по жизни рядом быть,
И что сумеем мы с тобой двух сыновей взрастить
Хоть вслух я о своей любви не часто повторял,
Но то, что я люблю тебя, всегда об этом знал!
Ты знай, что и в последний час, и стоя на краю,
Успею я тебе сказать, что я тебя люблю!

...Зарисовочка из цирка

...И вот подход по прочным арочным ступенькам,
У дрессировщика тревожное лицо,
Сгруппировавшись, и наперекор рефлексам
Отчаянный прыжок в горящее кольцо!

Последний трюк, и шквал аплодисментов!
Проход из прутьев от манежа к клеткам,
Униформист с набором инструментов
И лязг задвижек, дверь прижата к стенкам.

Манеж опять пылает лампами софитов
Оркестр гремит, поднялся зритель на местах,
"Парад - алле!" и выход на поклон артистов!
В аплодисментах утопают и цветах!

А вот зверей сюда никто не приглашает,
И нет для них торжественных моментов,
И никогда в "парад - алле" их не бывает,
Не обласкает их обвал аплодисментов.

Уставший лев, сложивши лапы засыпал,
Ему сейчас опять савана будет сниться,
И прайд, в котором никогда он не бывал,
И рядом бок о бок с ним молодая львица...

Вы уезжаете отсюда навсегда,
Вас «материк» заставил возвратиться,
Перелистайте все же иногда
Прожитой жизни северной страницы.
Пусть вам приснится снежная зима,
Пушистые сугробы на подворье
И в этом сне увидите себя
В серебряных аллеях Синегорья.
Шумит порогами седая Колыма,
И над рекою тихо пар клубится,
И поднимается огромная луна,
Пусть это тоже вам сейчас приснится.
И сказочная красота ветвей,
И скрип шагов, и снежное безмолвье,
И пусть захочется вернуться вам во сне
К серебряным аллеям Синегорья.

Приходит «Бабье лето» на порог,
В преддверии морозов и зимы.
Вращает время свой калейдоскоп
В сентябрьской палитре Колымы.
И невозможно оторвать свой взор,
И буйство красок поразит тогда,
Когда в холодных зеркалах озёр,
Собою залюбуется тайга.
Ведь скоро уж начнётся листопад
И буйный всплеск невиданных красот,
Как будто заключительный парад,
Как сказочной фантазии полёт!
Вот желтые вкрапления берёз
И ягодников алые кусты,
Рябины гроздья, капли красных слёз,
Сквозь тёмно-бурый цвет своей листвы,
И лиственниц ещё зелёный лес,
И ягеля ковры в полутонах,
Бездонная голубизна небес
И облака в прозрачных кружевах!
И светлые туманы поутру,
Вдоль сопок уходящие куда-то,
А завершают эту красоту
Малиново-свинцовые закаты!
Меняется картина каждый день.
Поживаясь в утренней прохладе,
Тайга проснётся, прогоняя тень,
Теперь уже в совсем другом наряде.
Но всё - же долго это не продлится,
До первого мороза за бортом.
И обречённо всё преобразится
И станет жёлтым, серым, а потом
Накроется всё белым полотном.

КАПЕЛЬКУ О ДОЖДЕ

Коротким летом иногда
Одолевают нас жара,
Зной и с утра, и целый день,
И не спасает даже тень.
От ужасающей жары
Притихнут даже комары.
И мы вращаем головой
В поисках тучки дождевой.
Но вот темнеет горизонт,
К нам грозовой стремится фронт.
В надежде мы, что он придёт,
И от жары наш мир спасёт!
Сначала стихнет всё кругом,
Раскатится далёкий гром,
Зигзагом молния сверкнёт,
И долгожданный дождь польёт!
И сразу облегченья вздох,
И мир теперь не так уж плох,
И просто радуется тогда
С небес идущая вода,
И пританцовывает земля
Под барабанный стук дождя!
Теперь нам только зонтик нужен,
Мы обойдём ручьи и лужи!
Гроза кончается и вот
Уже светлеет горизонт,
Дождём умытая тайга,
А в небе радуга - дуга!
И ты тогда заметишь вдруг,
Как оживает всё вокруг,
Как тут же влез на бугорок,
Дождя дождавшийся грибок...

40 лет строительству КГЭС

Мы прибыли издалека
К реке, чей бег невозмутимый,
И чьи крутые берега
Веками были нелюдимы.
Нас собрала сюда держава,
Чтоб в диком и холодном крае
Людская жизнь достойной стала,
Чтоб жили мы забот не зная.
И мы взрывали мерзлоту,
Дробили и гранит и скалы,
Мы перекрыли Колыму
И ГЭС на берегу создали.
И всё свершилось, всё сбылось
Назло невзгодам и кручине.
Не мало лет уже прошло,
Но в воспоминаньях и поныне
И первый камень в дно плотины,
И первый кубометр бетона,
И первый оборот турбины,
И первый ток для региона.
И первый крохотный ребенок,
И нашей молодости лица,
И лучший в области посёлок
Гидростроителей столица!
И сорок лет уже река
Покорно, верно служит людям.
Мы ГЭС воздвигли на века,
Как памятник тяжелым будням.
Как память тем, кто шаг за шагом,
В пургу и стужу, в трудный час
С огромным творческим размахом
Всё это создавал для нас!

Скачки (зарисовочка)

Дрожь перед стартом, ворота закрыты,
Рука жокея нервно гриву треплет.
Конь в расстановке рядом с фаворитом
И пока тихо, ипподром немеет.
Ворота настежь и проход открыт!
Взрыв колокола, резкий свист хлыстов,
В три такта грохот кованых копыт
И храп, стремящихся к победе скакунов!
Подковы рвут дорожки беговые,
И клочья пены от распаренных коней,
И в каплях крови удила стальные,
И, как бы вросший в стремяна, жокей!
Дать надо волю вырвавшимся нервам,
Не удержать безумнейшую прыть!
В забеге можно быть лишь только первым,
Лишь первым, иль совсем тогда не быть!
Конь и жокей отныне воедино,
Стремящийся к победе, монолит,
И вот уж рядом он, непобедимый,
Не знавший поражений, фаворит.
Финальный круг последнего забега,
И финишный вираж, скакун хрипит,
Перед глазами грива фаворита,
Все остальные где-то позади.
Рёв ипподрома разрывает небо!
Броска на ленточку безумный миг,
И вот она, желанная победа!
Пол головы, но всё же впереди!
Победный выход и проход финальный,
И всей команды радостные лица,
И под уздцы к конюшням, триумфально,
К призывным ржанням серой кобылицы!

Весеннее утро в Синегорье

Уже кончается зима.
С утра нам солнце светит ярко.
Установившимся порядком,
Всем на работу нам пора.
Мороз теперь не так жесток,
Бездонно - голубое небо
И ароматный запах хлеба
Несёт с пекарни ветерок.
А через несколько минут,
Компания людей опрятных,
В новых автобусах нарядных,
Отправится на ратный труд.
Кого - то увезут на ГЭС,
Согласно принятым маршрутам,
Расписано всё по минутам.
Кого-то ожидает ВЭС.
И закативши рукава,
Проснувшееся Синегорье,
С невзгодами крутыми споря,
Использует на труд права.
И труд прекрасен! Светел он!
Трудолюбивые ребята
Куют на ГЭСе киловатты!
ВЭС выдаёт их в регион!
И всем светло, и всем тепло!
Энергией свой край снабжаем,
От этого он процветает!
Проклятым санкциям назло!
Вот-вот наступит славный май!
На час уже стал день длиннее,
Весна всюду стучит капелью,
И дача ждёт! Не забывая!

НЕМНОГО О СИЯНЬЕ

Обычный зимний вечер. Как всегда
Мерцают звезды. Тонкий серп луны.
Слегка дрожит Полярная звезда
Хранительница вечной тишины.
И вдруг всё стихнет и замрёт вокруг,
В тревожном ожиданье затаится,
И северного неба полукруг
Волшебными лучами озарится!
Зелёный свет и светло-голубой
Пришельцы из другого мирозданья,
Запляшут, засияют над тобой,
В невероятном северном сиянье!
И горизонт далёкий задрожит,
Переливаясь нежным синим цветом,
И полностью тебя заполонит,
И зачарует дикой пляской света!
Сиянье ширится, клубится над тобой,
И, как апофеоз победы света,
Цветной каскад! В пол - неба высотой!
Ты оглушён волшебным миром этим...
Перед тобой парад немислимых красот,
Безмолвная симфония планеты,
И вряд ли наберётся столько нот,
Чтобы суметь озвучить чудо это.
Сияние часами может длиться,
Но затухает молчаливая краса,
А сердце продолжает чаще биться,
И снова к небу сами тянутся глаза!

*“Живи, помня, как коротка жизнь”
Квинт Гораций Флакк*

Авторитетен Квинт Гораций,
Но мне другая суть видна:
Судьба вместились в три абзаца,
А жизнь, как будто бы, длинна...
Чересполосица событий
затмила прошлое как дым.
Всегда грядущему открытым
я был и буду таковым.
Но иногда бессонной ночью
(как пишут лирики: в ночи)
мне душу разрывают в клочья
воспоминания-палачи.
И только в этом средостенье,
на стыке завтра и вчера
рождается стихотворенье
(штамп тут как тут: из-под пера).
Пускай к утру до дна истрочен
и Муза сгинуть норовит,
подобной благодарен ночи.
...А в целом прав Гораций Квинт!

Наверняка несовременно
В век интернетных «дабл-ю»
Пытаться, с рифмой непременно,
Провозглашать: «Я Вас люблю».

Пусть паутина Интернета
Живёт и здравствует вовек,
Но без нозлей и сонетов
Безлик и скучен человек!

О, вдохновенная натура!
Возьми перо, покуда есть
Чернила и температура
Покамест - тридцать шесть и шесть.

С досадой о годах не говори,
не только в мае птицы прилетают.
Глубокой осенью вернутся снегири,
и пусть тебя метели не пугают.

Рифма

Искал я рифму к «Анне Керн»...
Она цинична: «Геккерен».

Диалог

- Минералка уже не поможет...
- Что-то стало внутри нарывать?
- Это совесть всё гложет и гложет.
- Время камни пришло собирать...

Лист бумаги бел как снег,
Буквы кажутся следами.
Что ты ищешь, человек,
В тропках, высланных стихами?

Может быть, совета ждешь,
Разуверившись порою,
Или способ не найдешь
Помирить себя с собою?

Может, ищешь ты ответ
О судьбе своей Отчизны?
Иль в конце тоннеля свет
Ищешь? Или смысла жизни?

Панацеи нет в стихах,
Рифма - сладкое плацебо,
Не уместятся в строках
Ни луна, ни звёзды неба...

Спорный постулат

*“Наша галактика совершает полный оборот вокруг
своей оси за 240 миллионов лет.”
Из учебника астрономии*

Детство начиналось с двух колёс:
самокат - подшипники со смазкой...
Рядышком дворовый верный пёс,
первая любовь - ещё в коляске.

Позже - трёхколёсный «лисапед» -
требует нешуточной сноровки.
Познавался этот белый свет:
стригуны да божии коровки.

Юношество - вновь два колеса:
«велик» был «Салютом» подростковым.
Парки, близлежащие леса...
Велосипедист бывал рискованным.

Зрелость - наш советский АВТОВАЗ,
но колёс поболее - четыре.
Нажимаешь плавно на газ -
нет тебя счастливее в целом в мире.

В судный час придет та, с косой
(нам не избежать такого лиха),
спрячут нас в планету-колесо,
Млечный путь уютящее лихо.

Говорят же: на круги своя,
стало быть, назад, к первоначалу...
Во вращенье вечном состоя,
по чьему-то движемся лекалу.

Путь галактик - тоже колесо...
Безгранична власть пи эр квадрата.
То, что колесу подвластно всё -
спорного основа постулата.

Этюд №6

Закат казался не фотогеничным,
как «Голова собаки» у Моне...
Но становился явственней Возничий
и кадмием покрылись в Падуне
фронтоны крыш, завалинки и стены...
Капелла* замерцала в вышине,
украшая знойд-веста gobelены
куртины облак цвета кабернэ.

Громада моря - грань аквамарины -
за Монастыркой сведена на нет,
и Гелиос из уголка картины
последний растраниживает свет.

*Капелла - звезда из созвездия Возничий.

Памятник-2

*“И не видал я мертвых воробьёв
Наверное, они не умирают.”
Вадим Ковда*

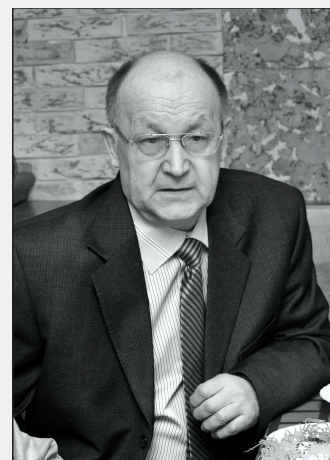
Не птицы мы, сучим длиннющий шлейф
воспоминаний о себе любимых,
надеясь пролонгировать свой дрейф
за грань метаморфоз необратимых.

Себя утешив: «Весь я не умру»,
и, дай бог памяти: «Душа в заветной Лире»,
мы жаждем быть всё время на юру
в оставшемся без нас подлунном мире.

Допустим даже: ты равновелик
Есенину, а Бродскому - тем паче,
но ни тунгус, ни друг степей калмык,
не изойдётся в поминальном плаче.

А воробьям сегодня благодать:
морозы спали, солнышко в зените.
И нет препятствий главному - летать!
И гвалта нет о бронзе и граните

Максим ОРЛОВ

г. Братск, Иркутская обл.

*Член союза писателей России.
Автор 5 книг стихов. Член лите-
ратурного экспертного совета
журнала «Северо-Муйские огни».*

Памяти Г.П. Михасенко

«Поэт в России больше, чем поэт...», -
переосмыслим фразу Евтушенко.
Жил-был братчанин, бородач-брюнет,
писатель детских книжек Михасенко.

Был инженером, мужем и отцом...
Знал толк во всех пегасовых аллюрах.
Был импозантным бравым молодцом,
с шикарной, чуть седою шевелюрой.

На юбилеях любим вспоминать,
что Михасенко сторожем работал.
Не оттого ль его за прядью прядь
седела? А ведь полиглотом

помимо прочего писатель братский был.
А Братск его - в сторожевую будку!
Двужилым был, но выбился из сил
торить дорогу нам по первопутку.

«Поэт в России больше, чем поэт...», -
саморекламно чересчур, а впрочем...
Кем только не был бородач-брюнет,
словесных приисков и шахт чернорабочий.

Когда строитель мертель* затворяет
И по корыту кельмою скребёт,
Конечно же, доподлинно он знает:
Растворный камень прочность наберёт.

Когда поэт сонеты сочиняет
И сотни слов порой переберёт,
Конечно, он доподлинно не знает,
Что с детищем его произойдёт.

* Мертель - (устар.) раствор

Эпистолярного наследия подборки -
журналов неперенный атрибут.
Любимым посвящались писем строки -
теперь их обыватели прочтут.
А если для стороннего прочтения
писались эти письма по ночам,
к ним не питая должного почтения,
их не прочту, дав отдохнуть очам.
Хотя...

Странноприимный дом

В. Туровцу

Рифмующие - не истеблишмент,
не в их натуре курковать купюры,
сандалии меняют на котурны,
чтоб череду меняющихся мет
отсеять от щедрот программы «Время»,
да чакру открывают там, где темя
открыло плешь - отнюдь не первоцвет.

Читатель духом слаб, не бодрячок.
Что ищет он в рифмованных концовках?
Или Химпрома грубая спецовка
обрыднет за день? - за серьёз эклог
он прячется от ноши повседневной,
в надежде, что в банальности напевной
обращает суть чего-то между строк.

Поэзия - странноприимный дом
всеобщего ранжира отщепенцев,
что бытие прокачивают сердцем,
чуть реже - препарируют умом,
а иногда рифмованным коленцем
достанут так, что ты невозвращенцем
становишься, обжив поэта том.

Реки

В Прибайкалье есть речка
под названием Куды.
Мне вещует сердечко,
что плыву не туда.

Слишком поздно проведаль
про такую реку:
миновал бы все беды
на прошедшем веку.

Обошёл все пороги
и не сел бы на мель,
а достиг бы в итоге
благородную цель.

Я души все раздоры
разрулил бы зараз.
И кудыкины горы
покорил и Парнас.

Не на этой речонке
ставил я невода.

Шла моя плоскодонка
по реке Никуда.

А какова рентабельность стиха?
Сверхприбыль какова от песнопений?
Весомы ль дивиденды от греха?
От лет прожитых велики ли пени?

Прибавочную стоимость строки
Не заложить в ломбардное окошко,
Ведь рифма что стремнина для реки.
Как послевкусие от ягоды-морозики.

Не оцепить на гиревых весах
Венок сонетов в унциях, каратах,
Ведь рождены они на небесах,
Ниспосланы на крылышках пернатых.

Сравню я рифму с детскою слезой,
И с алою есенинскою кровью.
Да с тишиной пред майскою грозой,
С незваною неожиданною любовью.

Дуаль

«Люди уходят в землю,
души уходят в небо.
Эту дуаль приемлю
без оговорок, ибо
выстроена не нами
данная эпопея.
Тлеем мы лишь телами,
души - в Кассиопеях...», -

так утверждал известный
в городе литератор.
...А на погосте местном
бия челом о землю,
зверем выл экскаватор.

Сам-то, чего?.. Приемлю?

Настало времечко итожить...
Влюблялся чаще, чем любил.
То без причин себя треножил,
то истощался сердца пыл.

Не сожалею ни на йоту,
себя не буду яро клясть -
любовь не превращал в работу,
когда повелевала страсть.

Как будто собраны все камни
и белых нет в шкафу одежд,
но не закрыты ещё ставни
для всех несбывшихся надежд.

Пластинка

Пластинка жизни кружит,
кружит за оборотом оборот.
Живём, пока не занебудим,
пока Господь не приберёт.

А много ли витков осталось?
Сработает ли автостоп?
Ещё не вдосталь отмечталось
и возраст - далеко не сто.

А велики ли обороты?
Долгоиграющий ли диск?
Не все востребованы квоты
на необузданность и риск.

Какая запись на пластинке?
Равель, Бетховен, «Песняры»?
Нет, рано собирать поминки
и рыть на кладбище яры.

Когда всё валится из рук
и сник от разочарований
и не спасает больше круг
нахлынувших воспоминаний,
судьбу без меры не кори,
беги от самоистязаний.
И пусть не спится до зари,
ты встрепись и лучик ранний
тебе игриво подмигнёт.
Стряхни душевных хворей гнёт,
забудь на время про невзгоды.
Поверь, что несмотря на годы
ещё на многое горазд!
Жизнь возлюби!
Господь воздаст.

Из цикла «Бабочка Брэдли»

«Не может быть, чтобы она что-то изменила.
Мёртвая бабочка - и такие последствия?
Невозможно!»

Р. Брэдли

Когда была свежа моя подкорка,
прочёл я Рэя Брэдли рассказ,
в котором некий мистер из Нью-Йорка,
машины времени открыв железный лаз,

ногой ступил на твердь палеолита
и бабочку подошвой раздавил.
Его в машину затащила свита,
но ход развития тот мистер изменил.

И в современность возвратясь мгновенно,
замечил мистер вьявь и из газет:
произошли большие перемены,
вплоть до того, что даже президент
другой обосновался в Белом доме.
(Простите за неточный пересказ,
но фабула верна. Ну, может, кроме...
был не железным, а стальным тот лаз.)

То с бабочкой, а то и с лепесточком
поэты часто сравнивают нас.
То кружим мы сентябрьским листочком
на крыльях рифм, в потоке строк и фраз.

Пускай избито, но по сути - точно.
Рэй Брэдли - воистину - мудрец.
Всё мимолётно, зыбко и непрочное,
но не кончен бабочки конец.

С этим нужно считаться

Мы от мира сего,
с этим нужно считаться:
нужно возвращать хлеб,
на свирели играть.
Жить в миру наяву,
не в плену декораций.
Срок придёт - полюбить,
срок придёт - умирать.

Мы от мира сего,
с этим нужно считаться:
поднимать паруса,
налегать на весло,
выпекать пироги,
угощать домочадцев
и потомков своих
поднимать на крыло.

Мы от мира сего,
с этим нужно считаться:
подметать во дворах,
возводить терема,
постигать ремесло...
И тогда, может статься,
заплутавшее счастье
вернётся в дома.

Осень - красавица,
женщина статная,
Очень изящная
и элегантная.
Огненно-рыжая,
платье - парчовое,
Принарядилась, -
надела всё новое!
Туфельки сшила
из бархата красного,
Знаем, кудесница,
Вы рода знатного!

С тобой останусь, осень золотая,
Бродить по склонам ягодных ковров,
Деревьям тихо косы расплетая,
Бантами осыпать наряд грибов.
И песню петь у озера ночного,
О вновь ушедшем лете, о звезде,
О вечности, о тленности былого,
И о своей не сбывшейся мечте.
Печалюсь у реки, в лесах ликую,
Зима ревнует, злится, ну и пусть!
Я выбираю осень золотую,
Какая радость в ней! Какая грусть...

Модельер - лесной волшебник -
Весь сентябрь не досыпал,
По приказу королев,
Шил наряды он на бал!
Дамам - платья дорогие,
Кавалерам - сюртуки,
Модельеру королева
Все открыла сундуки:
Засверкали хризолиты
У березок и осин,
Из рубиновых камней
Палантины у рябин,
У боярышни-Боярки
Сарафанчик кружевной,
И блестит на шее яркий
Медальончик золотой.
Гости празднично одеты,
Модельер с березкой встал,
И под звуки полонеза,
Осень открывает бал!

Льёт осень-невестушка слёзы:
Любимый умчался за даль.
И с осенью плачут берёзы,
Укутавшись в тёплую шаль.
Невеста навстречу спешила,
Курлыкали вслед журавли,
Букетик цветов уронила
Для будущей свадьбы земли.
Но зависть колдуней-пургою
Преградою стала в пути,
И осени снежной тропой
Пришлось долго-долго идти -
До самой заветной опушки,
Где август её поджидал,
Из сена шил копны-подушки,
Из листьев букет собирал.
Льёт осень невестушка слёзы:
Любимый умчался за даль.
И с осенью плачут берёзы,
Укутавшись в тёплую шаль.

Елена Зяблова

г. Усолье-Сибирское, Иркутская обл.

Преподаватель музыки и танца в школе искусств.
Руководитель хореографического коллектива
«Белореченька». Пишет стихи и музыку, публиковалась в общероссийском журнале «Книжки, нотки и игрушки...» (Москва), литературном журнале «Новый Свет» (Канада). Автор 2 книг стихов и малой прозы. Член редакционной коллегии журнала «Северо-Муйские огни».

Мамочка моя!

Над всем Великим мирозданьем
Стоит с молитвою она -
Она за мир, за созиданье.
Кто это? Мамочка моя!
Кто на «коне» иль «под забором» -
Любого примет лишь она,
Судья с добрейшим, нежным взором.
Кто это? Мамочка моя!
Любовью, ласкою согреет,
От хвори вылечит она.
Она всё знает, всё умеет!
Кто это? Мамочка моя!

Я знаю, есть художник во Вселенной,
Природе настроенье создаёт.
Сегодня ночька барышней степенной
По звездным улочкам пройдёт.
А завтра сильной Амазонкой станет,
Навстречу выйдет храброму «Стрельцу»,
Взорвутся звёзды, гром внезапно грянет,
Победы славной пожелав бойцу!
Весну-красу от холода спасает,
Траву, листочек в зелень окунёт,
Волшебной кистью тучи раздвигает,
Глаза лазурью небу подведёт.
А осенью вальсирует с рябинкой,
С березками заводит хоровод,
С графией - грациозною осинкой,
Танцует менуэт, кадрили, гавот.
И в благодарность всем прекрасным
дамам,
Шкатулку с украшениями несёт,
И осыпает лес рубинами и златом,
С закатом серенаду пропоёт.
Я знаю, есть художник во Вселенной!
Природе настроенье создаёт.
Он автор всех шедевров непременно.

Любви предчувствие, -
И золотой листок кружится в нём,
И вдохновлённый красотой осени,
На вальс прощальный приглашает он.
Устали оба мы от лета знойного,
И от палящих солнечных лучей,
Дождем умылся лист, и золотом
Покрылся весь, не отвистя очей.
Лечу к нему сквозь ароматы осени,
Он - мой кораблик на морской волне,
И вдруг -
вспорхнул листок янтарной бабочкой,
И смело полетел навстречу мне.
И закужились в вальсе зачарованно,
Одни в прекрасной сказочной поре,
Под звуки музыки
любви предчувствие
Затрепетало радостно во мне...

Совсем не хочется зимы
И снега первого с метелью,
Предновогодней кутерьмы...
Прошу, Господь, хотя б неделю
Мне дай осеннего тепла,
Чтобы согреть души глубины,
И чтоб воспеть ещё могла
Твои великие картины!
Златые горы из лесов,
Полей пшеничные просторы,
Из поздних ягод и цветов
Тёмно-бордовые узоры.
И листопад из облаков,
И грома в сумерках раскаты,
Речные дали берегов,
Кроваво-алые закаты.
Мелодий месяца-друга,
Ягнят-звёздочек смирение,
И музыкального рожка
В краюшку хлеба превращенье.
Прошу, Господь, дай мне тепла...

Осенний сад - Краса! Отрада!
Деревья - в платьях золотых!
Лишь у Боярки нет наряда,
И нет серёжек дорожных.
Зря не печалься, ночью звёздной
Приду с палитрой в этот сад,
И засверкает в гамме пёстрой
Твой ослепительный наряд!
Зажегся месяц. Ночь настала.
Старинный сад. Ручей журчит.
А на пригорке среди деревьев,
Боярка-барыня стоит!
Царевна-осень пожалела
Боярку милую мою.
Багряный сарафан надела,
На диво-дивное смотрю:
Любуюсь красочным нарядом,
На месте мне не устоять,
С красавицей я встану рядом,
Пойду с ней Барыню плясать!

Милая моя подруженька,
Ты, берёзка, не грусти.
Из-за тучки выйдет солнышко,
Ты немного подожди.
Дождь пройдёт, тоска уляжется,
Сбудутся твои мечты,
В пору светлую и дивную,
Бабе лето впереди!

Журавлик

Не нужна мне в ладонях синица,
Я журавлика жду по весне.
Прилетай, моя добрая птица,
Надо мной покружи в вышине.

Ты, как символ духовной свободы,
Сквозь пространство и время лети,
Улетай в мои лучшие годы
И с собою меня захвати.

Северомуйский вечер

Мой милый край, мой край безбрежный,
Ты и суровый край и нежный,
Зелёный край и белоснежный,
Храни, Господь, тебя, храни.
...Последний свет с зарёю тает,
На рельсах звёздочка мигает,
И вечер тихо зажигает
Северомуйские огни.

У нас свой мир на самом деле -
Своя жара, свои метели,
Свой даже свет в конце тоннеля.
Не веришь - приезжай, взгляни.
А вечер всё темней и глуше,
Лишь стук колёс покой нарушит,
И снова тронут наши души
Северомуйские огни.

ВКУС ОГУРЦОВ

Детский сон окутан утреннею негой.
Мама разбудила в шесть часов утра:
«Всё, сыночек, хватит по деревне бегать,
Время сенокоса, помогать пора».

Для деревни лето - время заготовки,
Не на день готовишь, а на целый год.
Мы идём в распадок, на плечах литовки,
Сзади младший братик налегке идёт.

Травы осыпают сапоги росой,
Рядом лес сосновый, вдальке село.
Вроде бы не сложно справиться с косою,
Но вначале это очень тяжело.

То срубаю кочку, то врубаюсь в яму,
Но литовку твёрдо, как отец, держу.
Может, очень скоро обгоню я маму,
А потом и папе спину покажу.

И сидит братишка на моём прокосе,
Пусть сидит, играет - он ещё малыш.
Сам-то я сегодня совершенно взрослый:
Если есть хозяйство, разве посидишь?

Все проголодались, отдохнуть бы надо,
Мухи надоели, солнце высоко.
Вот идём мы к лесу, дышит лес прохладой,
Хоть и тяжесть в теле, на душе легко.

И легла, как скатерть, белая газета,
На газете хлеба целый каравай,
Зелень с огорода - угощение лета,
В банке простокваша и в бутылке чай.

Стол нам - пенёк сосновый, стулья нам - коряги.
Сели рядом мама, братик и отец.
Под улыбку мамы, с видом работаги,
ел я самый вкусный в жизни огурец.

Александр КОБЕЛЕВ

г. Новонкутск, Иркутская обл.

Член Союза писателей России. Лауреат-победитель
международного поэтического конкурса «Звезда
полей-2012». Автор 4 книг стихов. Заведующий от-
делом поэзии журнала «Северо-Муйские огни».

Дом под парусами

«Милый мой, сегодня праздник -
Двадцать лет той первой встрече.
Помнишь, шёл ты с синей книжкой?
Помнишь школьные года?
Ты тогда назвался Грэем,
Я Ассоль была в тот вечер.
Почитай мне Грина, милый,
Почитай мне как тогда».

Вдруг все окна распахнулись
И ударил свежий ветер.
Дом так сильно накренило,
Что он еле устоял.
Но морской закон известен:
Капитан за всё в ответе.
Только Грэй всегда на месте,
Крепко держит свой штурвал.

Галиот под парусами,
Такелаж скрипит натужно,
Вся команда за работой -
Каждый знает свою роль,
Музыканты наготове -
Скоро, скоро грянут дружно.
И раздаётся голос Грэя:
«Я пришёл к тебе, Ассоль!»

А Ассоль сидела рядом,
Позабыв про всё на свете.
Двадцать лет - как не бывало,
Остановлен бег часов.
И прохожие гадают
В честь чего сегодня светит
Над обшарпанной хрущёвкой
Пламя Алых парусов.

БРОШЕННЫЙ

Осень. Поздним вечером
На скамью у домика
Сел старик, задумчиво
Голову склонив,
А в руках натруженных
Шуйская гармоника
Завела тихонечко
Памятный мотив.
И в зарю вечернюю
Уплывает музыка
Прямо над теплицами
Опустевших дач.
Попиликай тоненько,
добрая гармоника,
Побеседуй с дедушкой,
Вместе с ним поплачь

Жажда

Замерло во времени
солнце надо мной,
и стучит по темени
молоточком зной.

Лишь трава незрячая -
высохший ковыль,
лишь, как печь горячая,
на дороге пыль.

Степи раскалённые,
тени нет нигде.
Мысли воспалённые
только о воде.

Слышу, будто кружится
и журчит поток.
Но нигде ни лужицы
даже на глоток.

Мне б дойти до дому, там -
с радостью в душе,
как в пучине омута,
утону в ковше.

Деревенские песни

Как светлы и как красивые,
Словно майский ясный
день,
Эти русские мотивы
На просторах деревень.

Помню, сидя за работой
Тихо женщины поют.
Я сижу, рисую что-то,
И в душе моей - уют.

Мелодичные преданья
Как из вечности звучат.
Помню грустные Странанья
В исполнении девчат.

Или праздник, на котором
Соберутся всем селом
И раздольно сводным хором
Грянут песню за столом.

Для меня неповторимы
Эти песни давних лет.
Мной всегда они любимы -
Нелюбимых песен нет.

Даже песни-нескладушки
Мне отрада для души,
Даже смачные частушки,
Что горланят алкаши.

Жив пока, я всё приемлю:
Всю простую красоту.
А умру - зарюют в землю -
Тихой песней прорасту.

Поляна

Здравствуй, милая поляна
В зареве жарков.
Я вернулся из тумана
Тысячи веков.

Хватит мне топтать дорогу.
Сяду, посижу.
Это место ближе к богу -
Душу освежу.

Ветер мысли навевает,
И цветок живой
Понимающе кивает
Рыжей головой.

Весна и осень

На ложечку радости -
бочка печали.
На узкой тропе,
что бежит за оврагами,
Опять мы случайно
с тобой повстречались,
Пройдя, оглянулись
и встретились взглядами.

Весенняя свежесть
Цветущего сада
В глазах твоих ясных,
Моя чернобровая,
А взгляд мой сейчас,
Как канун листопада,
Когда впереди
Только осень суровая.

Но встречи жестоки
В своём постоянстве,
В своей безысходности,
В тяжести бремени.
Прекрасно,
Что мы повстречались в пространстве.
Ужасно,
Что мы разминулись во времени.

Мудрец греховное забыл,
Был чист и непорочен.
Он очень-очень умный был,
А может быть, не очень.

Сидел он как-то до темна
И вычислил случайно:
У женщин тайна есть одна,
А может быть, не тайна.

Как вертят нами, он узнал:
От флирта до интриги.
И всё на стенке записал,
А может быть, и в книге.

Не знаю я, где та стена -
Не ездил я по свету.
И только знаю: есть она.
А может быть, и нету.

Но раз стены и книги нет,
Кто тайну ту откроет?
Ведь стоит нам раскрыть секрет...

Светлана Савицкая

Журналист, сказочница, художник, мастер по изготовлению кукол, инициатор открытия новых музеев кукол не только в России, но и в других странах мира, председатель Международного национального литературного конкурса «Золотое перо Руси», главный редактор общероссийской независимой интернет-газеты «Молодежь Московии», входит в редакционный совет медиагруппы «Интеллигент», писатель - всё это Светлана Савицкая. Она легко шагает по жизни, одаривая окружающих оптимизмом, радостью, искренним теплом и позитивным взглядом на мир.

МАТЬ ДЕЛЬФИНОВ

Дельфины любят играть с лодками и рыбаками. Но и умеют себя защитить. С места разгоняют дельфины мощную скорость. Не любят, когда к ним относятся недоброжелательно.

Один пьяница решил поиздеваться над милым дружелюбным существом, приплывшем поиграть к самому берегу. Закрыв дыхательный клапан, и захохотал.

ница держал клапан. Тогда дельфин нанес ему в живот сокрушительный удар, вырвавшись на волю.

Говорят, Мать дельфинов живет далеко в море, и не показывается людям, хоть и похожа на человека. Разговаривает с племенем дельфинов то по-человечески, то по-дельфиньи. Вот они и понимают не только речь людей, но и их намерения.

БЕСПОКОЙНАЯ СОРОКА

Сорока метила в Жар-птицы. Всегда-авсегда-всегда-всегда! Ой, и до чего ж она любила все блестящее! Так бы и собрала все на свете в свое гнездо, так бы и понацепляла на себя!

Однажды ей попала банка из-под консервов. Долго выдалбливая остатки кильки из блестящего круглого сокровища, Сорока размышляла, какая она благоразумная:

-Ай да я! Ай да я! Ай да умница моя!
- приговаривала она.

Схватив пустую банку в клюв, Сорока перетащила её в гнездо. Однако, несколько дней спустя, птица поняла, что с банкой, да еще с жестяной, жить неудобно, и к тому же холодно. Взяла Сорока банку обратно в клюв и полетела в березовую рощу, к подруге Сойке.

Радужно встретила её Сойка.

-Я тебе подарок принесла, - трещала Сорока, - он такой полезный! Посмотри, как блестит на солнце!

Развела крыльями Сойка, зачем ей пустая консервная банка? Но спорить не стала. Оставила подарок у себя.

Стала жить Сорока без банки, радуется, что так просто от ненужной вещи избавилась, да еще кому-то подарок сделала, приговаривает:

-Ай да я! Ай да я! Ай да умница моя!

Пролетала как-то мимо рощи, а у Сойки в гнезде, Бог ты мой, все переливается, как в сказочном дворце! Не выдержала Сорока, спустилась таки.

-Слышь, подруга, отдай ты мне банку обратно! А?

-Бери, зачем она мне? - обрадовалась Сойка, ей самой такую здоровенную вещь совершенно невозможно было из гнезда выбросить.

Вот, Взяла Сорока ту банку и довольненька вернулась домой.

-Ай да я, ай да я, ай да умница моя!
- кричит, аж в гнезде подпрыгивает от радости.

Только не прошло и недели, как банка та опять стала надоедать Сороке.

Взяла Сорока банку и полетела к Сойке:

-Ты, прости, дорогая, что я у тебя банку забрала. У тебя она гораздо лучше смотрится. Вот тут как раз освещение. Роща! Березы! Красота! А у меня - бор сосновый, к нему эта вещица совсем не подходит...

С полгода смотрел лесник Василий, как Сорока летала по лесу с консервной банкой. Да кричала как оголтелая. И в толк не мог взять, для чего она эта делает?!

ГРИФОНЫ

Мало у нас осталось грифов. Скоро может быть и не станет совсем, если будут их истреблять такими темпами. И все знают, что птица эта, весьма мерзкая на вид так умеет смотреть, как будто хранит древнюю мудрость.

А ведь действительно хранит.

Знаешь? Сколько бы не находили золота на планете, его всегда оказывалось мало.

Мало Богам, мало героям. И, если бы люди узнали о нержавеющей желтом металле, то его мало было бы и им.

Вот Боги и придумали упрятать слитки от завидующих глаз. И не просто упрятать. А поместить его под семью печатями - грифами в земляные завалы - секреты. Да к тому же приставить к ним охрану - самых верных своих подданных - могучих богатырей, красавцев, сильных, гордых и верных.

Долго берегли богатыри золото в секретях. Никого к нему не подпускали. Но прознали о том герои. Не силой взяли, а хитростью. Усыпили бога-

тырей сон-травой. Сломали печати. Рассекретили секреты. Забрали золота сколько могли унести с собой. И были таковы.

Рассердились Боги. Верные богатыри им в ноги кинулись. Просят прощения, за то что не уберегли тайну. Но не удалось разжалобить небожителей. Загрохотали громы, забились оземь кривые молнии. И превратили Боги богатырей в грифонов - львов с орлиными головами, посадили на цепь. Лишили сна. Приказали пуще прежнего беречь тайники, перепрятанные в другие места. Но не тут то было. Разболтали герои о своих подвигах людям. И в свою очередь одолела их жажда золота. Добыли люди на охоте самую жирную лань, разрубили ее на куски, да и бросили грифонам под ноги. Накинулись львы с орлиными головами на свежее мясо. А люди тем временем золото похватили и были таковы.

Пуще прежнего рассердились Боги:

- Два раза мы просили вас, слуги наши верные, беречь великие секреты от посторонних глаз. И оба раза вы не сумели этого сделать. На какую-то пададь позарились, как голодные псы!

И снова загрохотали громы, забились оземь молнии. И превратили Боги грифонов - бывших верных богатырей в огромных отвратительных птицепаладьщиков грифов.

Острые клювы и голые шеи - были не самыми страшными наказаниями за провинность. Вынуждены верные слуги Богов с тех пор наедаться пададь без всякой меры. Наедаться так, что любой мальчишка сможет забить этих гигантов палкою до смерти. Но знают эти птицы до сих пор, где хранятся золотые секреты - тайники Богов. Только они одни и знают. Вот поэтому с такой гордостью и обидой смотрят они на людей.

БЕЛЫЕ ЦВЕТЫ

В непролазной чаще черного леса стоял когда-то угрюмый город. И жили в нем несчастные люди. Свои драгоценности они прятали в сундуки и сейфы. Дома обносили высокими заборами. И свирепые псы бегали в каждом дворе.

Но самое страшное - лица свои люди прятали под масками. Когда шли на работу, надевали маску научности, когда шли в магазин - маску самодовольства. На все случаи жизни у них были свои маски. Они изворачивались, лицемерили, и всяк норовил обмануть другого. Со временем души у всех так зачерствели, что превратились в совсем маленькие песчинки...

Но вот однажды в их городе появился дом, совсем непохожий на остальные. Окруженный садом с невиданными белыми цветами, благоухающими на весь город, он вызывающе стоял на центральной площади без решеток и заборов, и от него исходило белое сияние. А среди цветущих выюющих растений качалась на качелях молодая женщина с длинными рыжими волосами, которые, как костер на снегу, полыхали среди белого сада.

Жители надели маски превосходства и безразличия, хотя, конечно, разглядели все до мельчайших подробностей. Дождавшись ночи, они надели маски жуликов, и пришли воровать белые цветы.

Жадными руками вырывали они все с корнями, а клумбы затаптывали, ведь их нельзя унести с собой. Каждый житель посадил в своем черном саду белые цветы, но к утру они опустили головки и зачахли.

Днем жители угрюмого города, надев маски любопытства, пришли к необычному дому, и опять, будто не тронутый, благоухал белый сад, а женщина безмятежно качалась на качелях.

- Да она издевается над нами! - подумали жители, и ночью одели маски убийц, чтобы отомстить ей.

Но когда они проникли в дом через открытые окна и двери, тот оказался совсем пустой, лишь тени металась по стенам. Обезумевшие, они ломали дом, топтали сад, но стоило им отвернуться, как все снова возвращалось к своей красоте.

Без сна провели жители города остаток ночи. И что-то переменялось в них. Неудержимая сила тянула всех к непокорному дому. Утром они окружили его кольцом, даже забыв надеть маски, и спросили женщину, которая с улыбкой на лице поливала цветы:

- Кто ты? Зачем ты появилась у нас? Почему ты без маски? Почему нет забора вокруг твоего сада? И почему тебя не охраняет свирепый пес?

- Я? - женщина засмеялась, и всем сразу стало легко на душе, - Я - ваша

мечта! Я долго ждала, что вы придете без масок, и вы пришли. За это я подарю каждому по цветку.

Складки одежды женщины расправились, и все увидели прозрачные крылья. Незнакомка стала перелетать с цветка на цветок.

- Выбирайте, - говорила она, - вот это белые хризантемы - цветы надежды, белые орхидеи - цветы совершенства, белые гвоздики - цветы дружбы, белые розы - цветы чистой любви, белые пионы - цветы невинности, белые лилии - символ чистоты... Возьмите их, они ваши!

Тогда каждый осторожно и недоверчиво выбрал себе по цветку, чтобы посадить его в своей душе. И город сразу заискрился светом. И рухнули заборы. И разбежались собаки. И открылись кованые сундуки...

А на месте волшебного дома взметнулось большое рыжее пламя. Жители собрали все, теперь уже ненужные маски и бросили их в это пламя. И оно поглотило их.

И расступился черный лес. Теперь это самое счастливое место на земле, которое можно назвать раем. К нему сто дорог. Загляни в себя. И если ты найдешь в своей душе хоть один белый цветок, тебя с радостью встретят в этом городе.

ГРАНАТ

Бог создал Лилит из праха. Бог создал ее пустой.

Гуляя по саду Эдема, она не знала, что такое добро и зло, и не ведала любви.

Бог говорил ей, что Бог есть любовь. Она поверила.

В саду росло много деревьев. Муж-

-чина бы выбрал дерево познания, а него Эдем.

Лилит предпочла остальным - гранатовое дерево любви.

Чтобы быть наполненной Богом, она спрятала на своей груди плод граната, который тут же превратился в ее сердце. Увидев мир влюбленными глазами Бога, Лилит оставила ради

С тех пор сердце женщины наполняется гранат с красными теплыми сочными зернышками. И в каждом зернышке живет любовь Бога к тем, кого встречает она на своем пути. Ведь сердцем женщины на нас смотрит Бог.

ФЕЯ МУЗЫКИ

Вообще-то феи Музыки живут на самой вершине радуги. Их можно увидеть в каждой капле росы, когда солнце встает над землею. А ещё Музыки любят нырять в шумные водопады, бродить по верхушкам елей, цепляться за лохматые длинные волосы ветров.

Ветры-забияки нисколько этому не противятся, почитают за большое счастье, если их Величества обращают на них внимание.

Вот с одним из таких попутных ветров и залетела в наш город однажды совсем юная Музыка и стала искать себе домик.

Случилось это ранним утром, когда дворничиха скребла по асфальту жесткой метлой. Маленькая леди тут же устроилась на кончик метлы.

- Шварк-шварк, - упруго загудела метла, - шварк, шварк.

На дороге оставались вышваркованные полоски. Маленькой Музыке быстро наскучило убирать мостовую, и она перескочила с корявой метлы на двери автолайна.

- Хлоп-хлоп! - обрадовалась дверь, подпевая Музыке, - хлоп-хлоп!

- Не хлопайте дверью! - занервничал водитель, скрипя зубами, и бешено вращая глазами на пассажиров.

Музыке ничего не оставалось, как прыгнуть в первую попавшуюся лужицу, полную бензина, точно радужный павлиний хвост распластавшуюся на асфальте. Люди, проходили по бензиновым краскам, даже не замечая великолепия фантастических оттенков.

- Шлеп-шлеп, - запела лужица, которую посетила Музыка, - шлёп-шлёп!

Тут над лужицей склонилась девушка. Лицо её было полно восхищения. Она открыла этюдник, достала небольшую мягкую кисточку и обмакнула её в удивительную палитру утренней лужицы. И в тот же миг маленькая Музыка поняла, где её домик. Она цепко ухватилась за кисть художницы.

С тех пор художница раскрашивает батники волшебством. Если вы придете однажды на её выставку, взгляните внимательно в нежность благоухающих цветов. Может быть, тогда вы сможете понять песню Музыки, которая до сих пор живет на кончике её верной кисти.

ЗАЧАРОВАННЫЙ ПОРТРЕТ

Художник еле сдерживал себя, чтобы не бежать. Он нёс портрет, который закончил на рассвете. И ему казалось в неудержимой радости, что город, ликуя, приветствует новый шедевр творца умытыми улицами, высоким голубым небом, ослепительно улыбающимся и ныряющим из одного окна в другое солнцем, и даже женщинами у переходов, которые будто специально принесли сегодня столько благоухающих цветов!

Клиенты приняли художника весьма благосклонно. С портрета нежно и радостно на них глядел милый белокурый ангел в простом белом платье. Но их дочка надула губки:

- Я не хочу, чтобы меня рисовали, как бедную простушку, - топнула она ножкой, - ведь у меня уже есть золотая цпочка и серёжки, и я позировала с другой причёской и в другом платье! Пусть он сейчас же всё исправит!

- Исправьте, пожалуйста! - попросили родители художника.

- Но как? - попытался возразить тот, - разве вы не видите, что в масле получилось самое лучшее, что только есть в вашем ребёнке. Я считаю...

-А я считаю, что вам лучше переделать,

потому что я на себя не похожа!

- Лучше переделайте, - стали потакать родители.

- Я не стану, - обиделся художник, и губы его задрожали.

-Тогда родители тебе ничего не заплатят, - заявила девочка.

Тут что-то произошло с художником. Взгляд стал мрачнее ночи. Он сам испугался себя, но молча достал мольберт, кисть и краски, и буквально двумя-тремя мазками изменил изображение.

- Вот теперь то, что нужно! - запрыгала от восторга девочка, а отец открыл толстый бумажник.

- Мне не надо денег, - гордо остановил его художник, и слова его зазвучали тихо, как пророчество, - Вы заставили меня сделать то, что я не имел право. Когда-нибудь вы пожалеете об этом, но будет поздно.

И он ушёл. А семейство посчитало, что такое замечательное художественное произведение досталось им совершенно бесплатно.

Прошёл год. Потом другой. Девочка превратилась в девушку. Но в их доме, незаметно для остальных стал

происходить удивительные вещи. Медленно и угрожающе менялся портрет. С него смотрел уже далеко не ангел. Губки уменьшились и криво загнулись змейкой. В глазах появилось что-то хищное. Каждая маленькая черточка на лице, предвещала либо новую цепочку, ещё толще первой, либо платье, которое стоило бешенные деньги.

Тем не менее, богатые родители очень выгодно выдали дочь замуж, хотя портрет уже пророчил, как молодая семья будет потихоньку прибирать к рукам их богатство.

Однажды, глянув на портрет, юная особа ужаснулась. С холста жестоко глядела на неё не девочка - ведьма с алчным пламенем в глазах в детском платье.

- Проклятый художник! - вскричала она, - Я не такая!

В тот же день она увезла портрет родителям. И для них начались безутешные времена. С каждым днём дочь всё больше отдалялась от них, разматывая состояние, пока не пришёл человек из социальной службы и не заявил, что дом описан, и их ждёт обитель престарелых.

Ещё молодые, но, как оказалось, уже их усилия, выражение лица на портрете ненужные родители, еле прогнали его прочь. Посмотрели они на портрет и спросили друг у друга:

- Наша ли это дочь?

И тут только поняли, что означали слова художника.

- Мы сами слепили из неё монстра! - догадались родители и решили, пока ещё не поздно всё вернуть и исправить. На самом деле у них сохранилась ещё приличная сумма денег, о которой не знала дочь. Они стали нанимать лучших живописцев, объясняя, что именно надо переделать в портрете. Но после

становилось всё омерзительнее.

И уже совсем отчаявшись, родители юной особы всё-таки нашли автора замечательного портрета.

- Прости нас и помоги нам! - взмолились они, - мы готовы заплатить любую сумму, только верни всё так, как было. Спаси нашу дочь!

- Я давно простил вас, - сказал художник, доставая свои верные кисти, - и ждал, что вы придёте. А денег мне не надо. Вы давно за всё заплатили.

С этими словами портрет точно ожил. Холст заблестел, как будто на него мас-

ло нанесли только что. Лёгким движением руки мастер стёр на первый взгляд совершенно незначительное. Но от этого изменилась и причёска, и платье. И глаза взглянули нежно.

А на следующий день, рыдая и всхлипывая, в дом вернулась дочь. Она была одета в простое белое платье. И на ней не было ни одного украшения.

- Я жду ребёнка, - воскликнула она, - И мне нужна ваша помощь. Я поняла. Вы - самое, самое для меня дорогое на свете!

ДУМУШКА

Погоди, послушай, сказка бьется родниковой жилкою, на волю просится...

Как-то витал могучий Дух леса над соснами в плохом настроении. Видит женщина как женщина. Не красива, не страшна, не велика, не мала. А с нею ребятушки, да и муж с ней.

Затаился Дух леса. Смотрит, как женщина детишек в хрустальной речке выкупала, волосы шелковые их причёсала, мужа, что наловил тут же рыбку, приголубила. И не зависть его взяла и не оторопь, а любопытство.

Направилось семейство домой. А Дух леса им то коряжину на дороге подбросит, то гриб пыхтучий. Женщина улыбается. Голову на плечо мужнино склонила. Ребятишки подле бегают. На проделки духовы никакого внимания.

Стал Дух леса то семейство каждый день встречать, да и полюбил женщину не на шутку. А как полюбил - прикинулся добрым молодцем, на дороге ей попался. Выходи, говорит за меня замуж, и все тут.

Поклонилась ему женщина в пояс за такую честь, но согласия не дала.

Рассердился Дух леса. Мужа ее в речку скинул. Рванулась женщина. Ухватила руку мужнину. И слаба была, да родное на берег вытащила. Запалил тогда Дух вокруг торф сухой. Затлела земля. Загорелась. Стало все семейство пожар тушить. Кто чем мог. А потушили таки.

Успокоился хозяин леса. И предстал пред ними во всем своем великолепии.

- Смелая ты женщина, хоть и слабая, - сказал он ей.

- Слабая - не слабая, а за себя постою.

- Ну что ж, не буду я вам больше препятствия чинить. А на прощанье возьми подарочек.

И подарил на память листик высохший березовый. Приказал беречь, на шнурке носить. Так удача с тем листом в семью вошла. Места чудные открываются. Грибы - ягоды все виднеются. Травы медвяные выстилаются. Птицы песни свои переливчатые петь стараются.

Дух же леса запечалился. Сел у речки на крутом берегу и стал грустить. Так грустил, усыхал, сох по женщине, что деревья вокруг, точно осенью пожелтели все, с ветвей осыпались. И так крепко он задумался, вспоминая свою любимую, что разломилась его голова,

а оттуда на свет вышла девочка. Кудри желтые, точно сохлый лист. А глаза-то как речка чистые. Лицом и походкой похожа на ту женщину, а силой - в отца. И назвал он ее Думушкой. В густой чаще, куда нет дороги ни пешему, ни конному, где бьют семь родников, лесной терем выстроил. Оставил там Думушку, и полетел в другие леса, развеять грусть - тоску.

Росла Думушка среди диких зверей и птиц. Плела одежду себе из тонких жил подорожника. Когда есть хотела - охотилась. Когда пить - поклонялась роднику. Умывалась дождями, ветром обсушивалась. Лес родной берегла. А выросла - потянуло ее мир вокруг

посмотреть, и себя показать. Стала она все дальше уходить из лесу. Вот и дороги людские высмотрела. Вот и поля. И деревни. Да и люди ее заметили. Девица ловкая, быстрая, одна с волком может справиться. Стали легенды о ней по округе ходить. Стали песни складывать.

Потянулись молодцы в лес ее искать. Непрístupной оказалась Думушка. Тех, кто шел к ней с уважением, награждала подарками леса щедрыми, но сама не показывалась. А кто шел к ней с грубой похотью, отрубала тому буйну голову. Отрубала и на кол вешала.

Возвратился как-то Дух леса к терему. Решил попроведать дочь. И остоленел от ужаса.

- Что же, Думушка, ты наделала? Сколько глупых парней загубила! Полезай-ка ты лучше опять ко мне в голову! И сиди там, дитя слабое, неразумное!

Только Думушка не послушалась.

- Слабая - не слабая, а за себя постою.

Ножкой топнула. И нет ее. Стала Думушка невидимой. Хочет - в мысли зайдет. Хочет - в лес вернется. А в лесу уж она - хозяйюшка! Может жизнь пред людьми их разворачивать. Может сказки листовую рассказывать, успокаивать любовный жар. Может песни, стихи на-шептывать. Может до смерти одолеть. А может и на путь истинный вывести.

ЛЕСНОЙ ОЛЕНЬ И ГОЛУБЫЕ ПТИЦЫ

Это только кажется, что деревья все другого. Но у каждого из них свой характер. На самом деле разные. Как люди.

А народ, как лес. Это только кажется, что оленей не отличить одного от

Счастья. Это наши мечты.

С первого взгляда может показаться, что мечты у людей разные. На самом деле, у них одно лицо - птиц Счастья.

Как быстро вырастают наши дети...

Как быстро вырастают наши дети,
Пусть кто кого достоин- не вопрос.
Я лишь хочу, чтоб никогда на свете
Они не знали горечи и слёз,
Чтоб вновь давали повод для восторга,
Ведь гордость за детей совсем не грех,
Чтоб жили мы и счастливо, и долго,
Даря друг другу добрый звонкий смех!

Я очень скучаю по детям...

Так много осенних отметин
На фоне небес синевы.
Я очень скучаю по детям,
По чистой и нежной любви.
Мне холодно. Ранняя осень
Не повод для солнечных грёз.
Вот ветер печальный от сосен
Уносится к стайке берёз.
И трепет испуганных листьев
На детские страхи похож.
Мне дом наш по-прежнему снится,
И будни похожи на ложь.
В разлуке мы счастья не встретим,
Всё чаще вздыхая «Увы!».
Я очень скучаю по детям,
По чистой и нежной любви!

Алматы - любимый город детства...

Алматы - любимый город детства
С красотой зелёных площадей,
В нём легко от холода согреться
Теплотой отзывчивых людей.
Мне нужны его дома и скверы,
Улицы, скользящие к горам,
Где сверкает в мире самый белый
Снег невластный солнцу и ветрам.
На губах вкус яблок ощущая,
Я иду в знакомые сады.
Мой прекрасный город - сказка рая,
Яркий свет негаснувшей мечты.

Моя апашка, бабушка моя...

Моя апашка, бабушка моя
Жила трудом у озера без края,
Надеясь, что однажды сыновья
Увидят мир, её не забывая.
Балхаш, увы, не баловал теплом,
Ветра зимою насквозь продували
Такой земной, невзрачный, бедный дом,
Открытый для улыбок и печали.
Тогда рубили стебли камыша,
Промёрзлости воды не замечая,
И бедная апашкина душа
Мечтала о глотке простого чая.
Но дома ждал обычный кипяток
И взгляд детей, не знавших сладких пиршеств,
И время продлеvalo грусти срок,
Даря потоки будней без излишеств.
Росли три сына словно три столпа,
Страна с колен степенно поднималась,
И всё-таки, как страшно, что судьба
Не проявляла к женщине сей жалость,
Ведь дед остался где-то на войне
В разбомбленных окопах Сталинграда,
И никогда моя апа весне
По-женски не была блаженно рада,
Но вырастив прекрасных сыновей,
Любовь и верность в сердце сохранила,
И до сих пор она в душе моей
Из детства улыбается мне мило.

Серик Устабеков

Серик Устабеков родился 3 марта 1968 года в Алма-Ате (ныне Алматы). В этом городе прошли его детство, юность. Здесь он закончил школу, в 1992 году закончил Алматинский энергетический институт, и в настоящее время он так же проживает в этом городе. Первые стихи Серик начал писать в возрасте 7 лет. В дальнейшем выпустил 8 сборников стихов ("Новая глава", "Поэзия чувств", "Пространство сновидений", "Клубок противоречий", "Прогулки вдоль Невы", "Золотая середина", "Картинки бытия", "Калейдоскоп причин"), и он постоянно оттачивает своё поэтическое мастерство. Серик, несмотря на огромную любовь к своей стране, периодически путешествует по миру. Также он много читает художественной литературы. И, возможно, поэтому его стихи колоритные. Сам он очень скромно отзываясь о своём творчестве, считая, что стихи должны говорить сами за себя.

Бангкок - это город контрастов...

Бангкок - это город контрастов,
Наивных иллюзий урок,
Когда говорят тебе: «- Здравствуй!»,
Но смотрят всегда на Восток.
Бангкок - это город каналов,
В которых нет чистой воды,
Когда небоскрёбы устало
Живут посреди суеты.
Здесь мимо обилия пробок
Шальных праворульных авто,
Меж серых бетонных коробок
Наземное мчит метро.
И в речи, душе не знакомой,
Нет близких и радостных нот,
Лишь Солнце, как дома, весомо
По рекам на запад плывёт.

Белые крылья сдаются в утиль...

Белые крылья сдаются в утиль,
Сломаны хрупкие перья.
Жизнь без любви словно скучная боль,
Горькое, гадкое зелье.
Тут не помогут ни Бродский, ни Блок,
Вряд ли утешит Есенин.
Жизнь чаще то, что звучит между строк
Солнечным утром весенним

Это странное время тоски...

Это странное время тоски
С пожелтевшим названием "осень",
В дни, когда у застывшей реки
Грусть мелькнёт незначай между сосен.
Ей ответит шальной ветерок,
Растревожив опавшие листья,
Наклонив незаметно цветок
К чуть дрожащей от холода кисти.

Ты помнишь советское детство...

Ты помнишь советское детство?
В обед макароны по-флотски,
Кому-то достались в наследство
Есенин, Ахматова, Бродский.
Кто-то ходил в планетарий,
В душе обожая Стругацких,
Кто-то почти без печали
Делился кассетой по-братски.
Мы были намного наивней
И верили нашим газетам,
Смеялись в морозы и в ливни,
Общались до одури летом.
Мечтали, гуляли, любили,
Цена нынче редкую честность.
Тогда мы действительно жили,
Теперь же одна неизвестность
Висит словно серая туча
Над городом светлого детства.
Шанель, Валентино и Гуччи
Останутся детям в наследство.

Осень палец к губам приложила...

Осень палец к губам приложила,
Призывая почасе молчать,
Ведь вокруг так красиво и мило,
И в горах, и в лесах благодать.
Стало будто, действительно, тише,
Золотится в цвет солнцу листва,
Клин пернатых, летящих всё выше,
Задрожал, как порой тетива
Перед пуском стрелы в напряженье
Завибрирует в пальцах иных.
А поэт, видя эти мгновенья,
Вдруг напишет пронзительный стих

В переходах стоят старики...

В переходах стоят старики,
Тянут руку за каждым прохожим.
Им вовек не уйти от тоски,
Не найти себя в жизни, похоже.
Как помочь (ибо мелочь не в счёт)
Вряд ли знают спешащие люди.
Мы торопимся, будничным лёд
Наши души однажды остудит.
Вот тогда мы поймём стариков,
Ощутим зверский холод Вселенной.
Неужели, мой друг, нелюбовь
Побеждает во тьме непременно?

Мой дед погиб под Сталинградом...

Мой дед погиб под Сталинградом,
Оставив дома трёх детей.
Все говорят, так было надо -
Спасать страну ценой смертей.
Я понимаю. Только что-то
Не даст покоя никогда.
Мне снова видится: пехота
Обороняет города.
Но в час случайной передышки
Мой дед, наверно, представлял
Как долго ждут его сынишки,
Жена, Балхаш, родной причал,
И он вернётся, дайте время,
Назло бесчисленным смертям,
Чтоб выпить дома днём весенним
Свои законные сто грамм.

В слове «любовница» горечь полыни...

В слове «любовница» горечь полыни,
Грубая правда размеренных дней.
Ты в море грусти дрейфуешь на льдине,
Дав себе слово стать в жизни умней.
Нежность твоя - нынче ценная редкость,
Нервы дрожат от любых мелочей,
Лишними кажутся верность и цепкость,
Тёмными видятся сказки ночей.
Ты одинока, как ветер в пустыне,
Сердцу нет прока от чьих-то идей.
В слове «любовница» горечь полыни,
Тихая боль перед взором людей.

Зачем Поэту кожа...

Зачем Поэту кожа,
Когда всё сожжено?
Наверное негоже
Бояться сотен "но",
Шагать в толпе убогой,
Забыв про голос свой,
Живя одной дорогой
И будничной молвой,
Глаза уткнув в одежды
Таких же серых спин,
И быть, как прежде между
Банальных величин,
Не веря в то, что схожи
Любовь и птиц полёт.
Зачем Поэту кожа,
Когда душа не в счёт,
И нет ни грёз, ни веры
В заснеженной стране,
Пусть строк его галеры
Плывут сквозь лёд к Весне...

А.Вознесенскому

Идя по полю Пастернака
Поэт слагал стихи в уме
И не заметил, как собаки
За ним бежали в тишине.
Они напали хищной стаей,
Кусая вдоль и поперёк,
И жизнь прекрасная такая
Вдруг сжалась в маленький комок.
В глазах блеснули боли слёзы,
И в горле комом замер крик.
Поэт беспомощен для прозы,
Когда действительно велик.

Одиночество

Свет погас. Холодная постель.
Я один как год и два назад.
За окном заснеженная ель
Смотрит через стёкла наугад.
Тишина, и больше ничего:
Ни звонков, ни шума батарей,
Будто вся тоска материков
Растворилась в комнате моей.

Любой поэт себя считает кем-то...

Любой поэт себя считает кем-то,
Хотя на деле истина в тени,
И время, пролетая словно лента,
На кадры делит прожитые дни.
Мы, никому не нужные по сути,
Наивно верим в избранность свою,
Запутавшись в надеждах и маршруте,
Кричим, как сумасшедшие, «Люблю!»
И думаем, что кто-нибудь услышит,
Пожалуй, самый искренний глагол.
Но чаще отвечает дождь на крыше,
Танцующий осенний rock and roll.

Удел поэта - одиночество...

Удел поэта - одиночество,
Пустая, скользкая тропа,
Когда идти порой не хочется,
Но за собой зовёт Судьба.
А рядом скалы белоснежные,
Внизу река легко журчит,
По веткам ёлок солнце нежное
Лучами яркими скользит.
И «да», и «нет» в одном сомнении
Как ночь и день во мне живут.
И важно лишь стихотворение,
И чувства те, что душу жгут.

Я вспоминаю бабушку и детство...

Я вспоминаю бабушку и детство:
Она выносит мне велосипед,
Её улыбкой так легко согреться,
Особенно, когда тебе пять лет.
Вот я, лихой пацан, кручу педали,
Вокруг фонтана делая круги,
Чтоб бабушка смотрела без печали
И отвечала мне на взмах руки.
Хотя порой она и обижалась,
Когда я увлекался чересчур,
И тут же проявлялась в ней усталость,
Ведь старикам не нравится сумбур.
Ах, бабушка, прости меня за это,
Мне, право, неудобно до сих пор.
Да, ты была моей родной планетой,
Дарившей самый добрый в жизни взор.
Былые годы нынче словно повесть,
И прошлого, конечно, не забыть,
И я, в душе о чём-то беспокоясь,
Всё продолжаю бабушку любить.

Она ласкает кошку...

Она ласкает кошку
И верит в чувств тепло,
И смотрит на дорожку
Сквозь мутное стекло.
Там во дворе зимою
Не очень постоишь,
Пусть снежной пеленою
Пленяет мягко тишь.
Вот кто-то из соседей
Спешит к себе в подъезд,
Неся пакеты снеди
Бойтся скользких мест,
Ведь гололёд-бездельник
Готов и подшутить.
Морозный понедельник
Заплёл событий нить,
Глазами серой кошки
Глядя порой на мир.
Зимою свет в окошке
Как счастья эликсир.

Не забывай меня, родная...

Не забывай меня, родная,
Пусть мы расстались навсегда,
Пусть в космос канула, сгорая,
Любви последняя звезда.
Пусть режиссёр поставил точку,
И больше нет ни сил, ни грёз,
Ты обнимай мою сорочку,
Когда бессонница до слёз
Доводит зимними ночами,
А за окном пугает мгла,
И то, что было между нами,
Давным-давно почти зола.
И пусть зима, тепла не зная,
Верна бродяге-февралю,
Не забывай меня, родная,
Я до сих пор тебя люблю!

Женщина похожа на планету...

Женщина похожа на планету,
Часть видна, а часть всегда в тени.
Разгадать её души секреты
Лирики пытаются все дни.
Только получается не очень,
Знак вопроса видится везде.
И грустят поэты каждой ночью,
Обращаясь мысленно к звезде.

Родилась ты в дальней сельской точке...

Родилась ты в дальней сельской точке,
В стороне от вечной суеты,
И была болезненным комочком
Без намёков дивной красоты.
Время шло, ты нежно расцветала
И взрослела быстро на глазах,
Думалось, что дома места мало,
И хотелось жить в других местах.
Алматы - ковчег обетованный -
Привлекал тенистостью аллей,
Ты нашла себя в нём, как ни странно,
Не забыв возвышенных идей.
Дальше - институт, работа, встречи
И, конечно, грёзы и любовь,
Только почему-то каждый вечер
Ты к родным домой спешила вновь.
Твой жених давным-давно женатый
День за днём о чувствах говорил,
И слова слащавые, как вата,
Втягивали сердце в будней ил.
Ты пыталась верить, но однако
Ревность заглушала все мечты,
И душа бушующей клоакой
Растоптала райские сады.
Не спасли ни Вены, ни Парижи,
И от денег не было тепла,
Пусть казалось, нет на свете ближе
Вас двоих. Но замки из стекла
Падают внезапно, и осколки
Никого в округе не падят,
И вдобавок близких кривотолки
Затемняли болью милый взгляд.
Всё прошло. И даже неба просинь
Сердцу не дарила светлых чувств.
В городе везде царила осень,
А точней, отчаянная грусть,
И ещё огромный знак вопроса
Днём и ночью виделся тебе.
...Он писал стихи, но жизни проза
В сотни раз важнее стихов в судьбе.

Февраль для многих - месяц Пастернака...

Февраль для многих - месяц Пастернака,
Когда стихи в Душе меняют взгляд,
Пусть за окном морозы, а не слякоть
И будто бесконечен снегопад.
Давно забыты лёгкие пролётки
И не видать вернувшихся грачей,
Но где-то в глубине я слышу нотки
Грядущих пастернаковских ночей.

Не грусти, быть может, всё вернётся...

Не грусти, быть может, всё вернётся,
Береги любовь в своей душе.
Говорят, что завтра выйдет солнце
Яркое, как живопись Буше.
Не скучай, возьми побольше книжек,
Вспомни про Толстого и Дюма,
Полубойся радостью мальчишек,
Ведь для них старается зима.
Улыбнись, мир стал ещё белее,
Тоньше, выразительней в тиши,
И живи, о прошлом не жалея,
Прошлое - лишь часть твоей души.

Уходит осень мягкими шагами...

Уходит осень мягкими шагами
Под шёпот ветра в стареньком саду.
Как странно, что сегодня между нами
Мы вместе ощущаем пустоту.
Синоптик обещает завтра вьюгу,
Хотя в сердцах давно царит зима,
И мы уже не тянемся друг к другу -
Любовь забыла наши имена...

Сквозь раскалённый солнцем горный воздух...

Сквозь раскалённый солнцем горный воздух
Терялись краски, чувство глубины.
Надежда возвратилась слишком поздно
И поразила сущностью цены,
Которую мы прежде заплатили,
А впереди такие же счёта,
И лишь они останутся вновь в силе,
Как вдоль дороги грусти провода.

Сергей Пашков

Издатель, художник, публицист. Занимается формированием научного представления космогонии, как писаний народов мира (предания, мифология, легенды). Получил в составе авторской группы три международных сертификата Академии Естественных Наук России, Института Интеллектуальной Собственности Р.Ф., Российского Общества Оценщиков. (Программа по использованию экспозиционных субъектов Р.Ф. в качестве носителей информации, которая была признана Ноу-Хау) За свою издательскую деятельность, издавал авторские альманахи и газеты, входил в редколлегию Американского журнала «Острова/Islands».

У Сергея очень оригинальный художественный стиль картин, который несет в себе огромную ассоциативную информацию. Картины могут сопровождаться толкованиями или такими же емкими ассоциативными текстами. Кроме авторской художественной выставки, работы Сергея публикуются в Российских и зарубежных журналах.

На данный момент, как учредитель, активно занимается продвижением медийной группы международных изданий «Интеллигент» (Москва, Санкт-Петербург, США). За данный проект неоднократно удостоен национальной премии «Золотого Пера Руси» в 2011 году в номинации - Коммуникации и лучшие литературные издания, в 2012 и в 2013 году.

ТЕЛЕПОРТАЦИЯ ИЛИ НАВАЖДЕНИЕ

Виктор, удобно устроившись у костра, поглядывал на закинутые донные удочки в надежде, что возможно уже на вечерней зорьке клонет хоть один приличный окунь. Как внезапно у него появилось чувство некой встревоженности. Он осмотрелся, но не обнаружив вокруг его стоянки ничего подозрительного, опять взглянул на свои снасти. Однако чувство тревоги не проходило, а даже начало переходить в страх и не понятный для него паралич. Он откинулся на спину и со страхом увидел прямо над ним огромный объект, который не издавал никакого шума, но переливался огнями по краям, и большой светящийся круг был по центру этой громадной конструкции. Далее, он то ли впал в сон, то ли в состояние похожее на сновидение. Так как мгновенно оказался внутри этого летающего объекта, в котором находились незнакомые люди.

Страху уже он не чувствовал, а сами незнакомцы ему не внушали никакой опасности. Один из незнакомцев подошел к нему и дружески похлопал его по плечу. Сразу после этого он вдруг отчетливо услышал внутри своего

сознания чужой голос. Он понял, что с ним телепатически стал разговаривать человек, который касался его плеча.

Человек спокойным голосом объявил, мол, они не могут причинить ему ничего плохого, как впрочем и ничто и никто им не может причинить вреда.

- Все потому, что все путешествия по вселенной и контакты происходят на голографическом уровне.

Виктор сказал, что телепортация крупных материальных объектов во вселенной невозможна, и он сам об этом читал.

- Голография - это не материальные тела, а просто информация, которая создана через систему запутанности квантов. Однако, если есть подходящая для обустройства планета, то там можно воплотить все необходимое для её обживания, как и самих колонизаторов.

У Виктора вдруг возникли строчки из Евангелия: “В начале было слово... И слово стало плотью...” Однако сразу после этих строк он подумал, а зачем же он, именно он вдруг понадобился этим путешественникам?

- Вы просто оказались в это время и в этом месте, где проявились голографически мы и просто вступили с вами в контакт, - передал ему переговорщик.

- Вы хотели бы колонизировать и Землю? - С опаской спросил Виктор.

- Конечно же нет, так как это категорически запрещено вселенскими законами. Где уже существует некая форма жизни, никто не может там расселяться и насаждать свою форму жизни и свои порядки. А вот оживление планет и иных космических объектов без какой либо формы жизни только приветствуется.

- Вы не могли не знать, что на нашей планете уже существуют различные формы жизни, зачем же вы оказались у нас?

- Путешествие никого не ограничивает в посещениях иных объектов во вселенной, но в голографическом только варианте. Как мы уже вам изначально сообщали, что в таком виде никто не может приносить никому вреда. Даже наш корабль всего лишь голография и на его борт так же поступают иные существа и материалы только в форме голографии.

- Вы хотите сказать, что я материально не у вас на корабле? Тогда как же я с вами могу вести диалог, пусть даже, если он телепатический?

- Ваше сознание, память, мысли и даже чувства - это всего лишь информация, которая так же переносится с вашей образной голографией, мы лишь к этому подключаемся и происходит контакт.

- А как же вы образовываете нечто на

неживых планетах или воплощаете живых существ для её колонизации? Если это возможно только на уровне голографии?

- У вас уже есть принтеры, которые могут воспроизводить некоторые конструкции, задав им особую программу и снабдив их неким материалом. У вас уже есть генные технологии, которые могут выращивать живые органы. У вас уже многое есть и вы многого достигли, хотя вам еще очень многое предстоит понять и усовершенствовать, чтобы вы так же смогли войти во вселенское сотрудничество. Однако, мы обязаны вас предупредить, что не допустимо в этом никаких злоупотреблений, даже на уровне опытов у вас самих же и на вашей планете! Через совершенные голографии мы можем не только мгновенно путешествовать и исследовать различные межзвездные системы во вселенной, но и передавать и получать различные данные для материализации сложнейших конструкций и живых существ. Порой, конструкции мы используем как якобы наши копии, хотя существа, которые входят во вселенское сотрудничество, в реальности могут быть совсем и не похожи на голографических роботов. Мы же сейчас телепортируемся в иное место во вселенной, а вам желаем хорошей рыбалки и отдыха.

Виктор с большим трудом открыл глаза. Он прекрасно чувствовал свое тело, лежащее у костра, приподнялся и посмотрел на небо над собой. Ничего не обнаружив, перевел взгляд на горизонт. Закат уже догорал, но тут он услышал как на донке звякнул колокольчик.

А вот и поклевка! Он забыл про странное наваждение и поспешил проверять донку.